18+

Жаксылык Толегенов

Исповедь многоженца

Жаксылык Толегенов

Исповедь многоженца

«Издательские решения»

Толегенов Ж. А.

Исповедь многоженца / Ж. А. Толегенов — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Откровенная исповедь мужчины, который жил с несколькими женщинами. Честный рассказ о любви, ревности, семейных радостях и трудностях, о выборе, ошибках и судьбе. Книга о том, как сохранить человечность, веру и уважение, когда жизнь идет не по обычным правилам. Для тех, кто любит настоящие жизненные истории без прикрасКнига содержит нецензурную брань.

© Толегенов Ж. А.
© Издательские решения

Содержание

ЖАКСЫЛЫК ТОЛЕГЕНОВ 6
Предисловие 7
Жених с калымом 8
В клетке 14
Неожиданный подарок 23
Отец-многодетец 30
Совет 33
«Тройня и единоличный батыр» 36
Отцовское проклятие 42
Час мести пробил 45
Четверо полный комплект 47
Колыбельный праздник 51
Должность 54
Еще подарок 59
Ожидание 63
Капкан 68
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Исповедь многоженца

Жаксылык Абибуллаевич Толегенов

© Жаксылык Абибуллаевич Толегенов, 2026

ISBN 978-5-0071-7308-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЖАКСЫЛЫК ТОЛЕГЕНОВ
ИСПОВЕДЬ МНОГОЖЕНЦА

(Авторский перевод с казахского)

Ты — куст камыша, что вырос у дороги,
И каждый пес норовит задрать на тебя ногу…
(Абай)

Предисловие

Воспитание молодого поколения, его будущее — вот что сегодня тревожит общество до глубины души. Ибо пословицы наших предков — «Девицу блюдут сорок домов», «Сын учится у отца, дочь — у матери», «Дочь, тебе говорю — невестка, ты слушай» — еще не забыты в народе, но само воспитание юношей и девушек зашло ныне в тупик. Даже «Уважай старших, будь снисходителен к младшим» превратилось в заученную, пустую фразу.

Мы каждый день видим в автобусах, как перед сгорбленными стариками сидят, уткнувшись в телефоны, юные девицы, не поднимая глаз, или притворяются спящими. Рядом хихикают парни. И все это — воспитанные нами же. Те самые, что ходят с обнаженной грудью и пупком напоказ, те самые, что, распустив волосы как ведьмы, выставив напоказ плоть, в обтягивающих штанах расхаживают по улицам.

А что говорить о тех, кто, как гласит пословица, «Самую суть куырдака (жареное мясо) увидишь, когда режут верблюда»? На улицах торгуют телом, ищут мужчин по телефонам, вечером, одурев от похоти, зовут парней домой, выставляя свои обнаженные фото в газетах. И это — наши дети. Это уже не диковина. Хуже того, некоторые наши отцы семейств и матроны преклонных лет занялись «Этим бизнесом», то есть сутенерством, растеряв всякий стыд и пример для молодежи.

В стране год от года растет число венерических больных, зараженных чумой по имени СПИД. Беременность среди несовершеннолетних, подростковая преступность, самоубийства — все это набирает обороты.

Коррупция, как червь, точит общество изнутри. «Рука руку моет» в детсадах, школах, вузах дошло до предела. Не лучше дела и в правоохранительных органах, и в медицине.

В этот смутный век, когда у девиц не осталось скромности, а у парней — воли, я, в надежде, что это станет уроком для девушки, у которой еще есть стыд, назиданием для парня, у которого есть будущее, и окриком для зарвавшегося чиновника, собрал воедино некоторые картины современности.

Жених с калымом

(Рассказы Олжабая о себе)

Я — чиновник среднего звена в одной неприметной административной конторе этого города. Образование высшее. По профессии — экономист. В бухгалтерии и в планировании работы организации разбираюсь хорошо. В свое время я много лет прослужил заместителем начальника по экономике в крупном строительном управлении. В смутные времена контора закрылась, и пришлось искать другую работу. Нынешняя мне по душе. Ответственности — почти никакой. Зарплата — неплохая. Ну и, как говорится, «то да се». Хватает и тех, кто ищет меня по городу: «Я, мол, сват такого-то», «Я племянник такого-то». Одни приходят с бедой, другие — с намеком «Помочь в делишках». Ну, я, благодаря связям и былому авторитету, помогаю чем могу. Они в таких случаях с пустыми руками не отпустит. Кладет в ладонь. Из денег, что дают «На решение вопроса», я тоже отщипываю, да еще и за «посредничество» беру. Он рад, что дело сделано, я рад, что дважды наварился. Вот так и живем.

Есть жена, двое-трое детишек. Дачу давно продали оралманам, продешевили, конечно. Машина есть. Жена — не красавица, да еще и с детьми нянчится. Моложе меня лет на семь-восемь. Это моя третья жена…

…Третья она у меня. С первой женой мы не сошлись характерами. Слишком уж она была своенравной. С моими родителями, с моей родней — холодна была. В доме у нас вечно был полный двор гостей. Ни отдохнуть, ни гостей своих позвать. Так мы и прожили четыре года, родили дочь, и я ее отпустил. Братья ее с женами, видно, подзуживали, развод давать не хотели, потрепали нервы. Но я нашел подход. Это — отдельная история.

Вторая жена была дочерью одного большого богатого человека. Я с ней прожил год-два и совсем сник. Сам себе стираю, сам себе готовлю. Зарабатываю неплохо, но все уходило на ее родню. Тесть, надо отдать ему должное, устроил меня на козырное место. Уходил рано, приходил поздно, командировок — много.

Однажды вернулся из столицы на два дня раньше. За полночь открыл дверь своим ключом и вижу: на моем месте лежит какой-то голый верзила, обнимает мою жену. Я сперва опешил, но быстро взял себя в руки. Опыт с первой женой был. Молча обшарил карманы его одежды, забрал документы, деньги, взял цифровой фотоаппарат. Включил свет и — щелк, щелк, щелк. Заснял их, сонных, прикрывающих срамные места руками. Потом, не дав ему опомниться — у меня разряд по самбо — выставил его голым в подъезд. Жену в одной сорочке посадил в машину и отвез к воротам отцовского дома.

Заявление в суд написал сам. Фотографии, неопровержимые, закрыли рты и суду, и тестю. Паспорт того парня тоже сдал в суд. Так, за месяц-другой, я снова стал холостяком. Правда, тесть с хлебного места меня все-таки сковырнул. Да и сам он вскоре попался на взятке. А моя бывшая, не оценившая моего достоинства, вышла замуж за другого городского парня, но, как говорится, «Привычка — вторая натура», снова попалась на блуде и вернулась к разбитому корыту. Сейчас, слышал, околачивается по ресторанам да кафе. «Так вам и надо, всем», — думаю я. И правда ведь. Моей вины тут нет.

После этого, как «Обжегшийся на молоке, дует на воду», я женитьбу отложил. Но «Одиночество к лицу лишь Богу», как говорят, — захирел я, осунулся. Да и возраст уже за тридцать перевалил. На одной свадьбе познакомился с нынешней женой. Девушка оказалась засидевшаяся. После мы еще пару раз виделись, и я понял — она податлива. Как-то в уединении я ей все выложил, сделал предложение, а она — в крик. «Я, — говорит, — еще девица!» Да какое мне дело, хранилась она как сливочное масло или нет? Мне жена нужна, а таких мы видали. Ну, думаю, и ладно, и остыл к ней.

У друга Сапара родился ребенок, устроили шилдехана, колыбельная. И надо же — является туда моя «Неперешагнувшая другого порога» с отцом и матерью. Я делаю вид, что не знаю ее. Тут Шынар, жена друга, отзывает меня в сторону и по секрету шепчет, что они им приходятся нагашы-дядя, и что кое-кто очень интересуется мной. Кивнула на ее отца.

После тоя Сапар «упросил»: «Развези гостей!». Посадил я в машину стариков с дочкой и повез их в аул.

Отец девушки оказался человеком правильным. По дороге рассказал о себе. Доехали до дома, а он с порога: «На чай!» зовет. Не отпускает. Моя «Хранившаяся как масло» разливает чай, потупив глаза. Я, выпив с ее отцом пару рюмок, «Опомнился» — как теперь машину вести, «Схватился за голову». То ли сельские люди простодушны, то ли отцу заранее намекнули — не знаю, но Отагасы (Глава с емейства) как отрезал: «Оставайся ночевать!». Я достал из багажника еще одну бутылку и поставил на стол.

Короче говоря, в ту же ночь мы с будущим тестем ударили по рукам, и я сам «Посватался» к его дочери. «Хоть девушка и без калыма, да жених без подарка не бывает», — сказал я и вручил будущим тестю с тещей двести тысяч. Наутро моя «Сливочное масло» провожала меня, едва не плача.

В следующую субботу приехали два моих брата с женами свататься. К вечеру, невесту «отплакавщую» расставание с родными, мы забрали и вернулись в город.

Сыграли среднюю свадьбу, принял и новых родственников. Вот уже лет десять, слава богу, живем с моей Куляш пока ровно.

Как мужчина с поста я еще не сошел, и до сих пор, как увижу какую-нибудь «красивую телку», — взыгрывает кровь во мне. Это мое качество моя жена Куляш, «Хранившаяся как масло», а ныне «Высушенная как вобла» знает хорошо. Потому и сторожит домашний телефон. А я свой мобильник отключаю от сети, едва переступлю порог дома. Конечно, есть среди моих знакомых и такие «любвеобильные» дамочки, что нарочно звонят поздно вечером, чтобы позлить мою жену.

Праздная ночь

(Первый рассказ Олжабая)

Телефон звонил долго. Из трубки лился мурлыкающий, кошачий женский голос. Расспрашивала про дом, про здоровье, лезла прямо в душу. Сладким языком втягивала в разговор, будто мы сто лет знакомы. В начале разговора мелькнуло: «Кто это, а?», но скоро все стало ясно. Я же парень бывалый, без церемоний повернул разговор в прямое русло. Попал в точку, девка тоже дала понять, что готова на уступки. А чего мне-то? Звонила сама, мне отступать не с руки.

Вобщем, «свиданку» назначили в известном месте, где гульба до утра не стихает — в кафе, куда ходят все «ходоки налево». На девять вечера. Как говорится, «Джейрану чесаться, а палец на курок» жена с детьми как раз уехала к своим, чем не удача? У меня аж все заиграло. Достал из заначки сумму, на вечер хватит, сунул в карман, приоделся, прилизался и приперся на место чуть раньше. Стрелка часов еще не доползла до девяти, а в кафе уже вовсю гудели. Запах шашлыка, уксуса, водки бил в нос, кружил голову. Из кабинок, скрытых от чужих глаз, доносился гул мужских голосов и женский звонкий смех. Молоденькие официантки носились туда сюда, таская еду в кабинки.

Только я уселся за красиво накрытый столик в углу, как ко мне подошла девушка в белоснежном переднике, с меню в руках. Поздоровалась, склонила голову и замерла. Я спросил Тамару апай. «Сейчас!» бросила она и через минуту привела женщину в годах, но еще видную, как дорогая чашка, хоть и с трещинкой, а порода видна. Лет сорок с хвостиком, полноватая,

а видно, что в молодости была первая красавица. «Можно присесть?» спросила она глазами, изящно опустилась напротив. На каждом пальце по перстню, как золотые булыжники так и сверкают. Смотрит на меня своими нарциссовыми глазами, оценивает, ждет ответа.

Я сказал, что ищу Гулю, что «Договорились здесь встретиться в девять». Она сразу расцвела, устроилась поудобнее и сказала, что девушка вот вот подойдет, «А пока давай поболтаем, ровесники же!».

— Все это — моя личная собственность, — обвела она взглядом зал. Глянул в меню — цены кусаются, куда дороже, чем мы привыкли. Но я же мужик, заказал, не скупясь, а потом мы с Тамарой зацепились языками, как старые знакомые. Она рассказала, что давно живет в этом городе. Не повезло в браке, осталась на улице с грудным ребенком, потом стала второй женой у кого-то. Тот помог устроиться в общепит, а во времена приватизации с помощью еще парочки грудастых мужиков она за копейки прибрала к рукам эту столовую. По тому, как она откровенничала с незнакомым человеком, я смекнул: «Аульная ты, родная!». Пожаловалась и на сына. Вырос толку нет, подсел на наркоту. Два раза женила, но невестки не прижились. Сейчас лечится от наркомании. Тут она даже всплакнула. После пары рюмок лицо ее заалело, в глазах заплясали искры, и я заметил, как она прямо помолодела.

Пока мы так беседовали, в дверь заходили размалеванные девки — худые, толстые, в штанах, виляющие задами — здоровались с Тамарой кивком и шмыгали в одну дверь в зале. Я краем глаза видел, как туда же заходили парни, выводили девок под руку и уединялись в скрытых кабинках. Гулянка шла своим чередом.

И вот, когда мы с ней разговаривали, Тамара щелкнула пальцами: «А вот и твоя красавица пришла!» — и поманила вошедшую девушку. Стройная, красивая, лет двадцати еще нет. Подошла, поздоровалась с нами.

— Ну, а теперь простите нас, агасы, (старший брат) очень рада была познакомиться, для вас двери и объятия наши у нас всегда открыты, приходите сами, с друзьями, — распрощалась моя собеседница и направилась к той самой двери, куда шныряли девки.

С девчонкой мы заговорили — и я сразу узнал тот мурлыкающий голос из телефона. Для продолжения бурного вечера мы перетащили все со стола в отдельную кабинку.

— Я номера телефона наугад набирала, на вас попала, а вы разве с нашей апай не знакомы? — игриво придвигаясь ко мне, сказала Гуля.

То ли шашлык не зашел, то ли водка ударила, но через время меня накрыло какое-то безразличие.

— Давай на воздух выйдем, проветримся, — предложил я, а Гуля испугалась: -У дверей полно этих, на машинах дежурят, нас увезут и прихлопнут, давай лучше подождем, выпьем прохладительного, потом апай сама через «Черный ход» выпустит. А пока давай решим, до куда сегодня дело дойдет.

«Тариф» спросил. Разовый «кайф» — пять тысяч, до утра — пятнадцать.

Рассчитался с официантом, взяли еще выпивки-закуски в буфете и сунулись в ту дверь, куда девки ходили. За большим столом в мягком кресле сидела Тамара-апай. В комнате семь-восемь молодых девчонок хихикали между собой, косились на нас, но разговор не прекращали. Я сунул Тамаре-апай пару тысяч в ладонь, и через «Черный ход» мы вышли на улицу. После духоты и кислого запаха кафе, ночной прохладный воздух лег на душу как масло, настроение поднялось.

Было около полуночи. Гуля снимала квартиру с такими же девчонками. Вход отдельный, но и тут «веселье» не прекращалось, хоть и не гремело, как в кафе — было ясно, что в каждой комнате кто-то есть.

Гуля переоделась, красиво накрыла на стол из того, что мы принесли, и вопросительно посмотрела на меня. Я понял и вложил ей в ладонь оговоренные деньги. Разлили водку по

стопкам, чокнулись, выпили. Она высунула острый язычок, облизнула губы, по одному этому было видно, что хоть и молодая, а в своем деле уже наловчилась.

Так прошло время, после пары тостов свет погасили. Когда страсти улеглись, лежавшая в моих объятиях девушка вдруг зарыдала навзрыд, долго не могла успокоиться.

— Просто так, вы мне отца напомнили, простите, агай, характер у вас очень сдержанный. Не орете, не унижаете, как некоторые. Вот и захотелось выговориться, излить душу, ночь длинная же. Давайте еще выпьем, дайте сигарету, — сказала она и включила свет, села рядом.

— В школе я была отличницей, — начала она, наливая водку в рюмку. — Деревня наша была далеко от города, там обычаи другие. На старших в упор не смотри, с чужими не разговаривай, к ним даже не подходи, особенно девчонкам запретов куча. Учеба, домашние дела — жизнь текла ровно.

В восьмом классе стала ездить на олимпиады. Однажды прошла школьный отбор, надо было одной ехать в район. Отец у меня замкнутый был, а мать — с детьми, с утра до ночи по хозяйству, ни до чего ей дела нет. «Одну в район не пустим», — заладили оба. Классная руководительница ходила-ходила, потом с директором школы вдвоем еле-еле уговорили отца. Так они меня, как под конвоем, и повезли в райцентр. Многоэтажки я там впервые увидела. Асфальтированные улицы, машины потоком, люди снуют туда-сюда — я от страха по сторонам зыркала, а директор школы засмеялся:

— Прям как в первый раз в город приехала, дочка Маке, — сказал он, только тогда я в себя пришла.

С детства мечтала стать врачом. Поэтому на биологию, химию налегала, учителя-предметника, пожилого уже агая, вопросами замучила. За это, что ли, по химии мне равных не было. И на районной олимпиаде по химии никто меня не обошел. Так что, кроме призов, я и путевку в область в карман положила, и вечером мы втроем веселые вернулись в аул. Все пошли к нам домой. Апайка от радости у отца с матерью суюнши (подарок за благую весть) просит, во дворе шум-гам. Мать от счастья что-то бормочет, подошла, понюхала мне макушку. Отец молча взял нож и пошел в сарай за овцой. В тот день дома устроили маленький той. Пришли аким аула, директор школы, учителя, одноклассники — все поздравляют с первенством в районной предметной олимпиаде. Впервые в жизни у нас дома прошел такой веселый вечер. Так я и на областной олимпиаде победила. Дали бумагу — без экзаменов берут в университет в областном центре. Но у нас врачей не готовят. Для этого надо в большой город ехать.

Так и ходила я по аулу отличницей на виду. Был у нас сосед, скота держал тысячи, богатый, но хоть и в возрасте — холостой. Стал к нам захаживать, вокруг отца крутиться. То корма привезет, то продукты, то еще что — задобрить хотел родителей. На меня поглядывал. А я значения не придавала.

Прозвенел последний звонок, экзамены сдала, школу закончила. Сказала маме, что поеду учиться, а она как-то не одобрила. Отец вообще взбесился:

— Тебя скоро за Малика выдадим. Какая учеба тебе? Не выдумывай! — отрезал. Малик — это тот самый богатый парень.

Зная упрямый характер отца, я поняла — не отступит. Думала-думала — выхода нет. Уехать самой — денег нет.

Так дни и шли. Одноклассники все разъехались на учебу. Однажды иду по улице, мимо меня машина пронеслась, пыль столбом. За рулем — Такен, авторитетный мужик из аула, уже в возрасте. Я его недолюбливала. «А что если ему пожаловаться, может, поможет? Поступлю, стипендию получать буду, как-нибудь выкручусь из этого тупика?» — вдруг мелькнуло в голове. Лежу — об этом думаю, встаю — об этом. Решила подкараулить его. Через пару дней получилось. Он посмотрел на меня и говорит:

— Ладно, только документы возьми, никому не говори, что уезжаешь, даже матери. Согласна — помогу.

Я согласилась. Никому ни слова. На рассвете, в чем была одета, выскользнула из дома и спряталась в рощице за аулом у дороги. Вскоре показалась знакомая машина. Остановилась, я села — и мы рванули. Лежала на заднем сиденье, голову не поднимала, пока не въехали в этот большой город и не остановились у одного многоэтажного дома. Поднялись на лифте. Такую квартиру я тоже впервые видела. И газ, и горячая вода, и все удобства внутри. Агай спустился, принес продуктов. Чай поставил, еду приготовил, потом я уснула. Просыпаюсь среди ночи — мой «спаситель» меня лапает. Рванулась — куда там, из объятий здорового мужика не вырвешься. Два дня плакала, ничего не ела.

Дня через три-четыре тот первый ночной кошмар повторился. А то, что он творил в этот раз — языком не описать. Не подчинишься — свяжет, изобьет до полусмерти.

После еще двух дней ада, ночью он посадил меня в машину, привез в какую-то часть города, открыл дверь и вытолкал. Потом этот мой мучитель, ухмыльнулся мне в лицо, сунул в руки полиэтиленовый пакет с документами. Приложил палец к губам, погрозил мне пальцем и — дал по газам. Так я и осталась одна на улицах чужого города, прижимая документы к груди.

Сначала обрадовалась, что избавилась от него, а потом вспомнила, что без денег — и заревела в голос. Стою растерянная, тут мимо девушка проходит. Поняла — это мой последний шанс, схватила ее за руку и кое-как рассказала, что со мной случилось. То ли пожалела, то ли что — достала платок, вытерла мне лицо. Так и привела к себе домой. В квартире несколько девчонок жили.

— Учитесь? — спрашиваю, а они все головами качают: — Нет, учим, — и смеются надо мной.

Сами веселые ходят. Вечером разбегаются, а к полуночи возвращаются с незнакомыми парнями, гулянку устраивают. Я им прислуживаю. Зато сытая.

Так дни и шли. Домой вернуться — денег нет, а как вспомню, что пережила — слезы градом, «С каким лицом я в аул вернусь!?» — думаю.

Тут Гуля тяжело вздохнула, потянулась за сигаретой. Чай обновила, водку налила.

— Надо отдать должное, Зуля — так звали мою спасительницу — не попрекала меня тем, что я вот так живу, — продолжила девушка. — Но лето прошло, осень прошла, зима пришла. Новый год впервые в жизни встречала в чужой обстановке. Долго на улицу не выходила — от света из окна глаза болеть стали. День ото дня слабела. Зуля как-то посмотрела на меня и с жалостью спросила:

— Эй, ты не беременна, часом? — А я ничего не понимаю, смотрю на нее.

После обеда она надела на меня по вещи от каждой девчонки и повела к знакомому врачу. Раздеться перед мужчиной — где уж там, руки затряслись, в обморок упала. Очнулась — Зуля рядом сидит, голову мою держит.

— Все в порядке, и на том спасибо. Но ты в лапы к какому-то извергу попала, — говорит. — Врач твое состояние увидел — за голову схватился. Теперь тебя никто так унижать не сможет. Хочешь — живи с нами, хочешь — денег дам, до аула доедешь, воля твоя.

У меня аж в глазах потемнело. Перед глазами отец с матерью, тот Такен всплыли, задрожала вся, чуть снова сознание не потеряла.

После этого мы с Зулей стали совсем близкими. Гуляла по магазинам, днем, когда девчонки спали, ходила по округе, отвлекалась. Но далеко не уходила — «Заблужусь же». Через пару недель кровь к лицу прилила, в себя приходить стала. Аппетит появился, к еде потянуло.

Однажды Зуля, водя меня по магазинам, одела с иголочки. Я в жизни такой одежды не носила, в зеркало глянула — себя не узнала. А Зуля вокруг меня порхает, лицо красит, ресницы, глаза подводит и снова к зеркалу ведет. Из зеркала на меня смотрела очень красивая, но с глубокой тоской в глазах незнакомая девушка. Я тогда поняла — в моей жизни начался еще один этап.

Хоть я и деревенская, а поняла уже, чем занимаются соседки по квартире. Когда приходившие парни шутили, лапали то там, то сям — я уже не шарахалась, не пугалась.

Зуля однажды поняла, что пора со мной серьезно поговорить, и мы сели вдвоем. Она рассказала про себя, мы обе дали волю слезам, погоревали.

У нее тоже судьба не сахар. Она из соседнего городка. Отец — алкоголик, допился до того, что однажды чуть на родную дочь не залез. Но мать проснулась от их шума и спасла от позора. Когда подруги стали замуж выходить, к ней никто не сватался. Все знали, кто отец — и на дочь косо смотрели. В колледже один сокурсник увез ее, украл. Его родня, разузнав про ее семью, невзлюбила невестку, житья не давали. Муж тоже перед родителями пикнуть не мог, в итоге они развелись.

Через пару месяцев родила девочку, но та была очень слабенькая и умерла прямо в роддоме. Учеба давно заброшена, так Зуля и пошла по кривой дорожке. Примерно тогда же умер и отец — спился. Матери, младшим братьям-сестрам она вот так зарабатывает и помогает.

В тот же вечер она познакомила меня с Тамарой-апай.

— Вот так и живу, агай, — сказала, плача, девушка и снова припала к бутылке, налила полную рюмку водки и жадно затянулась сигаретой.

— Много горя повидала, — продолжила она рассказ. — С Тамарой-апай стали тесно работать. Мы с Зулей стали не разлей вода. Иногда и на «охоту» вместе выходим. Тамара-апай — отличный организатор. К денежным клиентам ходим по ее наводке. Бывает, и на день-два уезжаем. Какие только мерзости не творят эти здоровяки, а ты терпишь молча. А не потерпишь — выхода нет, им все с рук сойдет, а мы кто для них? Никто, просто теплый товар. Зато платят такие хорошо. Бывает, что и на двоих-троих парней одна «выходишь». Вот где самое страшное и видишь. Но мы утешаем себя тем, что служим за их деньги. Другого выхода нет.

Наш с Зулей расцвет длился недолго. Через год с небольшим после моего приезда сюда она, плача, позвала меня на разговор. Сегодня была у своего постоянного врача, а тот ей горькую правду в лицо сказал. Похоже, Зуля подхватила неизлечимую страшную болезнь — СПИД. Врач:

— Анализы это показывают, теперь лечись не лечись — все равно от этой болезни пока никто не выздоравливал, я не слышал и не видел, — сказал.

Мы обнялись и плакали, дали волю слезам. Но второй анализ крови подтвердил первый, и Зуля легла в спецбольницу за городом на лечение. Я каждую неделю ездила, навещала ее. И вот в один приезд я не нашла подругу. Три дня как умерла, где похоронена — не знаю, врачи не сказали, — и она разрыдалась.

Я от рассказа Гули весь похолодел, попытался отстраниться от нее. Но она крепко обняла меня своими тонкими руками, не отпускала, рыдая:

— Ага, я пока здорова, каждые две-три недели прохожу врачебный контроль, — умоляла она.

Я тут же налил полную рюмку водки, залпом выпил и начал одеваться. Один раз прямо посмотрел девушке в лицо — и не узнал ее. Передо мной сидела не прежняя нежная девчушка, а ссутулившаяся, с поникшими плечами, с побледневшим лицом какая-то тень…

В клетке

(Второй рассказ Олжабая)

В один из дней, когда я был по горло занят в суете будничной жизни, на мой мобильный телефон пришло сообщение. Текст был невнятный, да и номер незнакомый, поэтому я не придал этому значения — просто прочитал и забыл. Позже пришло еще одно такое же сообщение. На этот раз я перечитал его несколько раз. Там было написано: «Ага (брат, по казахски), срочно свяжитесь с Тамарой-апай, прошу вас!». «Какая еще Тамара, господи?!» — долго ломал я голову. Среди моих знакомых женщин с таким именем вообще не было. Подумав так и эдак, я решил: «Наверняка это та самая Тамара, у которой кафе!» — и, не раздумывая, сел в машину и поехал туда.

С той самой Гулей я после того случая виделся еще только раз. Да и то по другим делам, и с той встречи прошло уже семь-восемь месяцев. Мой номер мобильного Гуля записала тогда же.

В кафе, похоже, кипела обычная повседневная суета. Всё как всегда — снующие официантки, бьющий в нос запах уксуса и шашлыка, оглушающая иностранная музыка…

Тамара, если и не потолстела еще больше, то уж точно не похудела. Но, в отличие от прошлого раза, вид у нее был озабоченный. Покачивая своими пышными бедрами, она быстро подошла ко мне, стоявшему поодаль, поприветствовала жестом и направилась к другой двери. Я последовал за ней. Она открыла дверь — видимо, это был ее служебный кабинет. Комната была обставлена довольно прилично.

— Гуля, бедняжка, попала в беду, — с порога сказала Тамара. — Пока я стоял в недоумении, какое отношение имеет ко мне то, что она попала в беду, она продолжила: — Она уже три-четыре месяца как под арестом, ее осудили на два года. Убила кого-то, оторвав ему кое-что. Время от времени она звонит мне по телефону. Как ни крути, судьба у девчонки не сложилась, вот я и передаю ей через кое-кого посылки, деньги. И каждый раз, когда она звонит, спрашивает о вас.

Я было открыл рот, чтобы что-то сказать, но она перебила:

— Нет-нет, я знаю, что между вами ничего общего нет. Но все равно Гуля хочет вас видеть, у нее, похоже, есть что сказать лично вам. Как к земляку и ровестнику обращаюсь, с просьбой — навестите вы эту девчонку. Сидит она здесь, в городе. Только дайте согласие, а остальное я сама устрою, — я не смог отказать Тамаре, говорившей так просительно. Оставил ей номер своего мобильного и, отказавшись от приглашения к столу, направился к выходу.

По дороге думал: «Зря, что ли, я дал ей свой номер?» Кто знает, может, это ловушка для меня? От тех, кто торгует телом и честью, всего можно ожидать, разве нет?

По словам Тамары, история была такая. На очередном «пиру» Гуля откусила клиенту половой орган. Тот истек кровью и умер до приезда «Скорой». Месяца три-четыре назад по городу ходил слух, похожий на этот. Но там говорилось: «В городе появилась женщина-людоедка, она ест только мясо молодых парней». Но потом эти разговоры утихли.

Я начал беспокоиться. Как бы то ни было, нутром чувствовал — добром это знакомство не кончится. Лишь бы мой простодушный нрав не обошелся мне слишком дорого. Целую неделю я места себе не находил, лишился покоя, терзаясь мыслью, что могу потерять всё — репутацию, которую копил всю жизнь, семью, детей, всё на свете.

Так шли дни. Но Тамара в оговоренное время так и не позвонила. Наконец, не выдержав, я однажды снова поехал к тому самому кафе. Но войти туда сразу почему-то не решился. Поставил машину поодаль и долго наблюдал за входящими и выходящими. Вдруг кто-то через открытое окно машины схватил меня за запястье. Обернувшись, я увидел девочку лет 8—9. Она, не отпуская мою руку, спросила:

— Ты мой папа?

— Я… я папа Гульжанат, — растерявшись, выпалил я, и на ум мне пришло имя моей дочери от первой жены, примерно того же возраста.

— А-а, вот оно что, потому она и смотрит на меня свысока, «Мой папа все равно когда-нибудь приедет, и тогда я целыми днями не буду вылезать из его машины!» хвастается. А моя мама говорит: «Твой папа умер».

— А у твоей подруги на правой щеке есть родинка? — спросил я просто так, чтобы сменить тему.

— Да. Так ты что, правда настоящий папа Гульжанат?! — А-а-а, — и маленькая девочка разрыдалась.

Я попал в по-настоящему неловкое положение и не знал, что делать. Вылез из машины, достал из кармана платок и начал вытирать заплаканное лицо девочки. И упустил из виду дверь кафе. Но быстро взял себя в руки и сказал:

— Если ты сейчас же пойдешь и позовешь Гульжанат, я вас обеих покатаю на машине, угощу мороженым, свожу на набережную, — выпалил я, сам не ожидая такого поворота.

Девочка вырвала у меня из рук платок и побежала к дому рядом. По дороге у нее слетела одна тапока, но она, не обращая внимания, отбросила и вторую и помчалась дальше.

Я вышел из машины и направился к тапкам. Поднял их, оглядываясь по сторонам, и вдруг перед кафе с визгом тормозов остановились две новенькие иномарки. Из них выскочили четыре-пять здоровенных парней с дубинками в руках и вбежали в кафе.

Вскоре со стороны кафе послышался звон бьющегося стекла, грохот посуды, женские крики. Я быстро набрал на мобильном 102 и вызвал помощь. Там, видимо, сразу поняли, в чем дело — не прошло и много времени, как подъехали две «Газели» с вооруженными до зубов, в бронежилетах бойцами спецназа. Они ворвались внутрь и вскоре начали выводить тех, кто недавно размахивал дубинками, со скованными за спиной руками.

В этот момент, запыхавшись, подбежали две девочки. Моя собственная дочь вымахала. Я сразу ее узнал. Когда мы расстались, она была маленькой, и меня, конечно, не помнит. Она испуганно стояла поодаль и смотрела на меня. Я сказал:

— Где мама, на работе? (назвал имя ее матери), ты дверь на ключ закрыла? — и попытался подойти, но дочь отшатнулась.

— Да-да, она закрыла, я сама видела! Дяденька, вы нас в мороженое поведете, я Гульжанат еле из дома вытащила!? — тараторила подружка моей дочери, «Ясновидящая», натягивая на ноги свои сандалии, которые я ей протянул.

— Разве мамы вам не говорят: «С незнакомыми не разговаривайте, ничего из их рук не берите, в машины к ним не садитесь»? — спросил я.

— Да, они такое каждый день говорят, но как же вы чужой, если вы папа Гульжанат? — ответила незнакомка.

Тут уж я совсем растерялся. Но, стараясь не показать вида, сказал:

— Гульжанат, я твой папа, но я до этого жил в другом городе. Потерял вас с мамой из виду, адреса не знал. Теперь мы будем часто видеться, иди сюда, родная! — как только я это сказал, дочь бросилась ко мне как птица, обняла мои ноги и разрыдалась. Я нагнулся, погладил ее по голове, поцеловал в лоб. Ее подружка тоже плакала, обнимая меня.

Замечаю, прохожие на улице начали обращать на нас внимание. Тогда я сказал:

— Неудобно перед людьми, не плачьте, пойдемте лучше вон туда. Гульжанат, а как зовут эту девочку, она, похоже, твоя верная подруга, — сказал я, и та самая девочка;

— Да, мы учимся в одном классе, и уроки вместе делаем. Мы с Гульжанат давно дружим, еще до школы. Меня зовут Майра, — выложила все маленькая «ясновидящая». Так я убедился, что моя бывшая жена давно живет здесь.

— Гульжанат, у тебя есть младшие братики или сестренки, где мама работает? — на мой вопрос она ответила: — Мама на работе, каждый год водит на новогоднюю елку, в большое, высокое здание, оно больше нашей школы. Мы живем только вдвоем с мамой, иногда приходит дядя Турар. Еще мамины подружки заходят.

«Да, с таким собачьим характером у тебя, видимо, и не было шансов второй раз выйти замуж. Твой брат Турар, оторвав тебя от меня, совершил большую ошибку. Но у моей дочки характер, похоже, в меня — наивный. Жена до сих пор, наверное, локти кусает, что развелась со мной? За столом, видимо, обо мне плохо не говорят, иначе Гульжанат так сразу бы ко мне не прильнула. Значит, и фотографии мои хранятся. То, что дочь меня сразу узнала — тому подтверждение. Посмотрим, чем все кончится, в наше время двух жен содержать нелегко. Дочь вот нашел с божьей помощью, теперь и воспитанием ее заняться надо, а то…» — с такими мыслями я открыл дверь кафе.

Войти-то мы вошли, но дальше порога пройти не смогли. Потому что главный зал выглядел так, будто в него попала бомба — сломанные столы и стулья, разбитая посуда, сорванные со столов скатерти и оконные шторы валялись на полу.

В дальнем углу за столом Тамара, пара женщин и полицейские что-то писали на бумаге. Одна из женщин, поднявшись, сказала: «Кафе сегодня не работает», но Тамара тут же ее остановила. Когда мы подошли ближе, один из полицейских, глянув на меня с подозрением, вопросительно посмотрел, и я сказал:

— Это я звонил в полицию. Гулял с дочками неподалеку, понял, что эти громилы пришли не просто так. Услышав грохот и крики, не сомневаясь, вызвал вас, — незаметно подмигнув Тамаре.

Хмурое лицо тут же просветлело.

— Ойбай, ага (старший брат), проходите, вы нам оказали большую помощь, мы давно не могли поймать эту банду наемников в городе. Вы сообщили вовремя, и опоздай мы на три-четыре минуты, они бы снова ушли безнаказанно. На этот раз они попались с неопровержимыми уликами, — затараторил один из них, видимо, старший по званию.

— Мы зашли покушать мороженое, — сказал я, многозначительно глянув на Тамару. Та сразу поняла и крикнула официанткам, толпившимся в другом конце зала: — Эй, кто-нибудь, идите сюда! — Детям дайте самого дорогого мороженого, напитков, и еды принесите, вон тот столик в углу быстро приведите в порядок, — распорядилась она.

Проводив девочек к столу, который приготовили официанты, я вернулся к следователям и вкратце изложил им все, что видел.

Закончив с бумагами, следователи дали расписаться Тамаре и нескольким официанткам, со всех сторон отфотографировали разгромленное заведение и уехали. Я подошел к девочкам:

— Ну что, наелись мороженого? — спросил я.

— Еще как наелись, в жизни такого вкусного мороженого не ела, — тут же ответила бойкая Майра.

— Как бы, горло не заболело и от мам не влетело, пошли, я вас до дома провожу, — сказал я, кивнув Тамаре, что приду, и взял девочек за руки, направляясь к выходу.

— А как ты узнала, что я папа Гульжанат? — спросил я по дороге у Майры, выпытывая.

— Да она у всех так спрашивает: «Ты мой папа?». — сказала моя дочь, опустив голову. — Мама ее за это много раз била, но она никак не отучится от этой привычки, мне иногда стыдно с ней ходить. Я и сейчас так подумала, но пошла с ней только когда она в альбоме точно показала ваше фото. А ты теперь будешь с нами? — от вопроса дочери у меня защемило сердце.

Они жили в одной из пятиэтажек неподалеку. В ближайшем магазине я купил им два телефона, вставил две сим-карты. Девочки не могли нарадоваться, фотографируя друг друга. Особенно счастлива была Гульжанат, чье самолюбие перед подругой было на высоте. Майра

тоже пару раз назвала меня «Папа». Я тоже радовался вместе с ними. Узнав номер их квартиры, я попрощался с девочками. Гульжанат, поняв, что я действительно ухожу, расплакалась.

— Будь осторожна с телефоном, не теряй, не расставайся с ним, я обязательно буду тебе звонить. Если не будет крайней нужды, мне не звони, потому что у меня работа сложная, рядом постоянно люди. Теперь мы будем часто встречаться, — утешал я ее.

Обоим сунул в карман денег. Дочь, не веря, что внезапно обрела столько всего, с восторгом гладила свой новенький телефон и радостно попрощалась.

Я вернулся к Тамаре. Она тоже ждала меня с нетерпением.

— Куда вы пропали, дорогой! Пойдемте, вон в той комнате накрыт стол, чай готов. Если бы не вы, мы бы сегодня пропали!

Зал уже привели в прежний вид. Пол вымыт, занавески снова висят.

Испытующе глядя на меня, Тамара начала:

— Я собиралась вот-вот вам позвонить, как вдруг на меня обрушилась беда. Какие-то неизвестные несколько раз звонили мне с угрозами. Требовали денег. Сообщать в органы — сами знаете, у нас в работе тоже много недочетов. Вот и выжидала. Сегодняшнее происшествие, видимо, и есть следствие этого. Иначе у кого ко мне, вдове, могут быть претензии?! Кстати, как вы так вовремя оказались поблизости? После вашего ухода следователь снова перезвонил и дотошно расспрашивал, откуда я вас знаю. Я им: «Я этого парня вообще не знаю. Вы же сами слышали, он сказал, что гулял с дочками и стал случайным свидетелем. Эй, если вы так к каждому будете придираться, кто вам помогать станет?!», — немного их приструнила. Потом он извинился за свое поведение и поручил срочно принести акт экспертизы с заявлением о возмещении материального ущерба, нанесенного преступниками. Есть у меня знакомый эксперт, я уже договорилась, сейчас подъедет. А теперь вот маленький подарок, — она протянула мне что-то, завернутое в бумагу. Развернув, я увидел пачку сложенных пятитысячных купюр. Я посмотрел на нее с немым вопросом;

— Не отказывайтесь, земляк! Это от чистого сердца. Правда, если бы вы вовремя не сообщили в полицию, эти головорезы камня на камне бы не оставили, а то и сожгли бы всё. Теперь я должна максимально усилить меры безопасности. На вход надо поставить охрану из двух-трех парней. Хоть это и дополнительные расходы, но деваться некуда, это оправданно. Лишь бы голова была цела. Угощайтесь! Может, плесну немного вот этого? А, вы же за рулем, тогда я сама… — налила себе в фужер до половины спиртного и не спеша выпила; — В эту субботу встретьтесь с Гулей, как вы на это смотрите. Я уже все устроила. К девяти вечера будьте там, свою машину, конечно, лучше оставить дома, потому что встреча продлится до пяти утра. Оттуда вас выведет и отвезет куда скажете вон тот парень. Если хотите, приходите сюда, я предупрежу своих. Здесь есть где отдохнуть, помыться, — она указала на парня, сидевшего в одиночестве за соседним столом. Я повернулся в указанную сторону, парень, сидевший поодаль, поднял руку, приветствуя меня. Потом он встал и направился к выходу.

Я промолчал. Как ни крути, эта женщина не оставляла мне путей к отступлению. Все уже было решено и поделено.

— Почему меня вдруг так тронула судьба этой девчонки, вы, наверное, не понимаете, — продолжила Тамара. — У единственного ребенка нет будущего и дни его сочтены. Я тоже не молодею с каждым днем, надо думать о завтрашнем дне. А эта девочка еще молода, хваткая, и воспитание у нее правильное. То, что с ней случилось, может произойти с каждым. Я долго думала. И решила сделать ее своей наследницей. Родных, близких у меня нет. Есть только одна кровная сестра, но у ее мужа скверный характер, он за глаза называет меня «Шлюхой», поэтому с сестрой я особо не общаюсь, только помогаю изредка. Сама я еще не собираюсь сходить со сцены, но наше завтра — только в руках Всевышнего. Вот такой разговор. Скрывать от вас мне нечего. Доверилась вам как земляку и ровестнику, выложила все как есть. На человека, который бросит на произвол судьбы, вы не похожи, но пусть этот разговор останется здесь. Гуля

ничего не должна знать. Дай бог, через два месяца по случаю большого праздника государство объявит амнистию для осужденных. Я предпринимаю шаги, чтобы Гуля попала в этот список. — Потом она сказала: — Вас у входа в то место встретит тот парень, заведет внутрь и передаст Гуле. Утром он же вас и выведет, об этом уже говорилось. Никому ничего не даете, ничего с собой не несете, там все есть, все предусмотрено заранее.

Я подумал, что «на этом разговор окончен», и собрался уходить, но Тамара, глядя на меня, сказала:

— Еще раз огромное спасибо. Не забывайте нас, присматривайте за нами. Я очень рада знакомству с таким сдержанным, умным, благородным парнем, как вы! — сказала она.

Я вышел на улицу, сел в машину и поехал.

Я начал анализировать, пропускать через сито разума события этого дня. На первый взгляд, ничего из ряда вон выходящего не произошло. То, что моя дочь Гульжанат неожиданно встретилась мне, а потом Тамара в связи с происшествием в кафе просто так подарила мне полмиллиона денег, казалось божьим промыслом, но появление в кафе незнакомого парня давало пищу для размышлений.

«Э, Олжеке, — сказал я себе, — не становишься ли ты слишком мнительным? Ты же видишь Тамару всего третий раз в жизни, и делить вам с ними нечего. Наверное, человек от чистого сердца тебе благодарен. Действительно, те головорезы двигались резко, лица у них были злые, они из той породы, что родного отца не пожалеют, разве нет?

А тот незнакомый парень, наверное, доверенное лицо самой Тамары. Как ни крути, она же слабого пола, низкого происхождения. Нужен же ей такой надежный человек. Кто сегодня не зарится на это большое здание и налаженное дело, приносящее ежедневный солидный доход кафе, расположенное в центре, куда день и ночь не прекращается людской поток? Так что, тебе вроде не о чем беспокоиться», — успокоил я сам себя.

В субботу я прибыл к указанному дому ровно в назначенное время. Тот самый парень вышел изнутри и жестом подозвал меня. То ли гнетущий вид мрачного здания подавил, то ли потому, что я раньше не бывал в таких местах, но я совсем растерялся и вспотел. Грохот открывающихся и с лязгом захлопывающихся за нами железных дверей бил по мозгам, я озирался по сторонам и семенил за парнем. Наконец мы остановились перед какой-то некрашеной дверью. Вошли в комнату, где стояли стол и единственная табуретка.

— Меня зовут Нуржан. О том, что вы здесь увидите, никому ни слова, но сразу скажу, ничего противозаконного во всех этих действиях нет. Ведите себя свободно, действия ваши тоже пусть будут естественными. Ни Тамаре, ни Гуле ни одно слово из нашего разговора не должно дойти. Мы с вами, еще не раз встретимся, — сказал парень на прощание, пожимая мне руку.

Я остался один. Через некоторое время тканевая занавеска на стене сама собой зашевелилась, и из-за нее вышла Гуля. Мы вдвоем снова прошли за занавеску и оказались в крохотной комнатке с кроватью. Стоял старенький холодильник. Кроме одного-двух стульев и маленького столика, другой мебели не было.

Гуля была бледная и исхудавшая. Вид поникший. Я спросил, как она, но она лишь шевелила губами;

— Какое уж тут «как», ага, сами видите, в какое положение я попала, — и разрыдалась. — За каких-то год-два моя судьба вот так перевернулась с ног на голову, разве я, бедная, могла такое подумать. Все началось с того Такена из аула, будь он неладен. Если буду жива, я ему отомщу. Я уже придумала ему такую кару, что он пожалеет о том, что родился на этот свет. Он сдохнет, выкрикивая мое имя!

Когда она произносила эти слова, ее глаза метали искры, лицо исказилось, ноздри красивого носика трепетали, и она потрясала маленькими кулачками в сторону кого-то невидимого.

Я, подумав: «У нее истерика?», решил дать девушке воды и открыл холодильник. Он был забит едой. Тут тебе и запеченная птица, и жареная рыба, и колбаса, и пироги, и куски вареного мяса, и несколько видов напитков. Виднелись горлышки трех-четырех бутылок спиртного. Одноразовые пластиковые тарелки, стаканы и вилки-ложки тоже были на виду.

Мы с Гулей вдвоем мигом завалили стол едой. Горькая тоже разожгла аппетит, подняла настроение. Прежний гнев девушки утих, лоб покрылся испариной, она немного расслабилась.

— Жизнь здесь совсем другая, ага, — начала она. — Первые дни мне было очень тяжело, но постепенно привыкла. Другого выхода и не было. Потому что я долго не могла поверить, что со мной приключилась такая беда. Засыпая, видела во сне, как я хожу на свободе. Проснешься — а ты в клетке: двухъярусные нары, затхлый запах, храпящие, стонущие, кричащие во сне женщины. Да и мрачная обстановка вокруг давит, пригибает к земле. На следствии я особо не мучилась. Сказала про покойного урода: «Сдох и сдох, туда ему и дорога!» — честно отвечала на вопросы следователей, написала все как было, до мельчайших деталей. Мой адвокат говорил: «Могут и оправдать», — я в это особо не верила, но все же крохотная искорка надежды «А вдруг!…» меня поддерживала. Жестокий приговор погасил эту искорку в моем сердце, залил водой так, чтобы она больше никогда не разгорелась…

Когда меня уводили после оглашения срока, я отчетливо слышала, как кто-то из толпы крикнул: «Ты оттуда живой не выйдешь, сука!». Я не обратила внимания. Потому что была абсолютно уверена в своей невиновности.

Случилось вот что. На очередном «пиру» я «обслуживала» трех парней. К ежедневным мерзостям я уже привыкла, на многое не обращала внимания. Но в тот раз они перешли все границы. Рот открывала-открывала, даже челюсть заболела. А один из них засовывал свой хер до самого горла и держал так, я не могла дышать, задыхалась, и только через время приходила в себя. Сзади тоже было не пусто, снизу тоже кто-то пыхтел.

Не прошло много времени, как тот парень начал все сначала. Я показала жестом: «Давайте передохнем», но они не обратили внимания, пытка продолжилась. Разошедшиеся парни ни на что не смотрели, терзали меня со всех сторон.

Я подняла руку, остановила их и направилась к столу с выпивкой. Налила себе в стакан побольше водки и опрокинула. Парни тоже подошли, выпили, что-то лопочут между собой, показывают на меня пальцами. После короткой передышки прежняя пытка началась снова. Один уже «отстрелялся», смотрю, и второй к тому же идет. А третий не унимается. Все снова и снова пытается засунуть мне свой член в глотку. Я уже совсем обессилела от нехватки воздуха.

Меня взяла злость. На миг собравшись с духом, я дала ему засунуть до нужной ему глубины, и в тот момент, когда он начал извергаться, впилась зубами в головку, прожевала раздругой, а потом со всей силы рванула вверх и оторвала кончик. «Герой» с диким воем, зажав обеими руками то, что осталось у него между ног, носился по комнате. Кровь залила все вокруг. Я выплюнула то, что было у меня во рту, себе под ноги с характерным «шмяк». Двое других были под хмельком. Они сначала ничего не поняли, и только спустя время пришли в себя. Тот парень к тому времени уже потерял сознание и упал. Когда эти двое поняли, в чем дело, они накинулись на меня и жестоко избили. В какой-то момент вызвали «Скорую». А я все это время лежала на полу, избитая. Через полчаса приехали врачи и вызвали полицию. Моя «добыча» к тому времени уже давно испустила дух. У меня глаза и лицо были в огромных опухолях, ребро сломано, вся в крови. Меня завернули в простыню и увезли в больницу.

Через полчаса в больницу пришел следователь и расспросил о случившемся. Я сначала сказала, что пришла по согласию, но потом, когда трое парней опьянели, они зверски меня изнасиловали, принуждали ко всему силой, и сказала, что у меня не было другого выхода, кроме как защищаться. Иначе мне грозило самое суровое наказание, я это понимала. Проведенная тут же экспертиза подтвердила мои слова. Через два дня меня перевели в камеру с железной решеткой.

А мои два мучителя тоже получили по 10—12 лет, и сегодня, как я слышала, ходят без пояса на штанах, спят у параши и бесплатно ублажают мужиков везде, где те захотят. И поделом им!

С таким приговором мне и здесь пришлось пройти немало испытаний. Но, то ли они боялись моей дурной славы, то ли сам Всевышний мне помог, не знаю, но через некоторое время тычки, провокации в мой адрес совсем прекратились. На меня перестали обращать внимание.

Здесь я с рвением включилась в работу. В швейном цехе, как и все женщины, шью одежду. Стараюсь ежедневно перевыполнять норму. Так я хоть на миг забываю о свалившихся на меня бедах.

Но однажды это спокойствие нарушилось — в наше помещение перевели двух женщин из других камер. Вот от них-то я натерпелась. Без всякой вины они меня поносили, а проходя мимо, иногда и щипали. Они тоже работали в нашем цехе закройщицами. Особенно допекала меня здоровенная баба с усами. Она распускала обо мне всякие небылицы. То «СПИДом болеет» пустит слух, то «подстилка у начальства» — сплетни тоже от них шли.

Сначала они пытались затащить в свои ряды и меня. Но, получив сразу отпор, теперь уже вдвоем, открыто пошли в наступление, набросились. Не найдя поддержки у соседок, я перешла к тайным действиям одна.

Усатую звали Мара, а ее хрупкую подружку — Катя. Однажды утром я подкараулила Катю одну в умывальнике, сорвала со стены тяжелую вешалку, прижала ей к шее и потребовала сказать, почему на меня взъелась Мара. Пригрозила, что если не скажет правду, засуну ей эту железку кое-куда и убью на месте. Она оказалась трусихой и все мне выложила.

Мара была из клана того убитого мной парня. Она хотела отомстить и собиралась сделать это в ближайший выходной в кинозале. В тот день она сядет рядом со мной и воткнет мне в печень заточку, а то «оружие» уже давно готово и спрятано там. А с другой стороны, этот заказ Маре поступил извне.

— Если расскажешь об этом разговоре «мужу», тебе конец!, — припугнула я еще Катю. Она вроде дала слово. Но я, каждый день видя цену обещаниям таких людей, не знала, что делать, и оказалась в тупике.

Но в тот же день мне вдруг повезло. Время близилось к концу смены. «Надзирательницы» с дубинкой поблизости не было.

Делая вид, что что-то ищу, я подошла к рабочим столам этих двух баб. Ножницы двух закройщиц лежали рядом, а их самих не было, ушли, видимо, вместе покурить. Ножницы закройщиц в цехе — вещь известная, на наши совсем не похожи. Я быстро, схватив тряпкой, завернула ножницы Кати и сунула в карман, а ножницы Мары затолкала в кучу обрезков на ее рабочем месте. Вернувшись на свое место, я тщательно завязала тряпку с ножницами и, делая вид, что дышу свежим воздухом, выбросила их через открытое окно с решеткой. Они упали в густую траву у пешеходной дорожки.

— Ага, (брат), — вдруг сказала Гуля, попивая напиток, — можно я кое о чем попрошу, не обидитесь? Хотя и неловко. Но все же скажу, другого выхода нет. Я в таком положении уже семь-восемь месяцев. На воле это было по два-три раза в день, и я тогда не придавала этому значения, не знаю, но сейчас, как увижу мужчину, у меня все внутри горит, слюни текут, я себя контролировать не могу. Но здесь нельзя показывать вида, сразу попадешь в ряды лизунь, а это значит — конец, ты навсегда потеряла человеческий облик. Постепенно заставят жрать дерьмо, а то и с собаками, лошадьми, свиньями, ослами сведут, будут делать ставки и любоваться. Настоящее испытание человеческих качеств — вот это место.

Я понял намек Гули. Присмотревшись, увидел, что здесь есть и туалет, и душевая. Только двери были закрыты занавесками, скрыты от глаз. Пригодилась и вещь, купленная в аптеке «на всякий случай». Надел в несколько слоев.

Девушка в моих объятиях закидывала ноги мне на спину, поднимала бедра и стонала, и у меня взыграла похоть, я забыл обо всем на свете. Говорились предсмертные слова, что-то вытекало из девушки с хлюпаньем, иногда в воздух поднимался затхлый запах. Не обращая на это внимания, с текущей изо ртов слюной, мы оба продавали свою бренную плоть.

Когда все закончилось, я включил свет и посмотрел на девушку. Это была не прежняя пухленькая, красивая Гуля. Бедняжка исхудала, ребра торчали. Я накрыл девушку покрывалом, сходил в душевую и, вернувшись, посмотрел на часы — время перевалило за половину ночи.

Не шумя, налил себе выпить.

Через два часа Гуля проснулась, открыла глаза. Оглядевшись, не стесняясь меня, натянула на себя одежду. Мы снова сели за стол. Утолив жажду, по моей просьбе она продолжила рассказ.

— Я здесь повесила на свою шею кровь еще одного человека, — тяжело вздохнула Гуля. — Если смотреть на ту бабу как на человека, то грех на мне есть, конечно. Но когда я услышала, за какое преступление она здесь, всякая жалость к ней у меня пропала. Оказывается, она, имея мужа, сожительствовала с одним парнем и родила от него ребенка. Когда муж это понял, она в один вечер задушила и его, и того ребенка. Ее застали, когда она закапывала их тела на даче, кто-то увидел и тут же сообщил в органы. Учли, что она пару лет лечилась в психбольнице, и вынесли приговор на отбывание в исправительных учреждениях. Вот такая вот тварь хотела меня «наказать», мстила за кого-то…

В конце смены, когда мы выходили, я специально осталась в конце толпы. Идем по дорожке. Приближаемся к тому месту, где лежат ножницы. Я, делая вид, что поправляю штанину, нагнулась и спрятала сверток с ножницами за пазуху. Самое сложное теперь было — пронести ножницы через КПП, оборудованный специальными поисковыми приборами. И тут, по воле Всевышнего, именно в этот момент к КПП подъехала машина, привозившая продукты в столовую! Нас, идущих в конце колонны, задержали для разгрузки. Я стала ломаться, мол, устала на работе, но «надзирательница» и слушать не стала, ткнула меня дубинкой в спину. Я «вынужденно» взялась за ручку одного ящика и стала помогать сгружать. Ножницы из-за пазухи я засунула в один приметный ящик. Когда разгрузка закончилась, я спокойно прошла через КПП и вернулась в комнату. Теперь самой сложной задачей было — попасть в столовую и завладеть спрятанными ножницами.

Но и это получилось. В комнате я отвела Катю в сторонку, дала ей пару-тройку сигарет и втерлась в число тех, кто сегодня заступает на дежурство в столовой. Для Мары с Катей не было ничего невозможного. Охранники прислушивались к их словам.

Так я и попала в столовую. Чистя картошку, нашла то, что спрятала в том ящике, и сунула за голенище. Обычно охранники, заводя женщин обратно в камеру после дежурства в столовой, не особо шарят, не обыскивают. Потому что и сами прекрасно знают, что те тащат оттуда что-нибудь съестное.

Так я вернулась в камеру и легла спать. Мара и Катя и сегодня, как обычно, выпили перед сном. Потом какое-то время пели песни. В общем, изрядно захмелев, они снова начали лезть друг на друга. Когда их «охи-вздохи» закончились, они тоже уснули.

Тут уж у меня терпение лопнуло. И спать хочется. Да еще и устала за день на работе, а потом в столовой набегалась, измоталась. От волнения сердце колотилось так, что, казалось, выпрыгнет из груди. Да и задуманное осуществить было делом нелегким. То задремлю, то очнусь — так и пролежала. Ближе к утру, когда все, думаю, крепко уснули, я осторожно встала и подошла к кроватям Мары и Кати. Мара спала на животе. Я схватила ее за затылок, вдавила лицом в подушку, раскрыла ножницы, обернула их краем одеяла и вогнала под левые ребра по самую рукоять. Она издала тяжелый звук и обмякла. Я вернулась на свое место и уснула. Ворочалась-ворочалась и сама не заметила, как провалилась в сон.

Утром я с трудом открыла глаза от удара дубинкой по телу — в камере стоял гвалт. Особенно искажено было лицо Кати. Прижавшись к стене, она в ужасе кричала: «Это не я, не я!».

Охранники подняли нас всех, обшмонали до трусов, тщательно осмотрели руки, одежду и выгнали на улицу. Вышла и я. Спросила у бабы рядом, что случилось, а та: «Собаке — собачья смерть, Катя зарезала Мару ножницами. Вчера вечером, когда вы дежурили в столовой, они из-за пропавших ножниц крепко сцепились, но раз перед сном друг у дружки как обычно лизали, то, видимо, ссора миром кончилась…» — ответила она. А я про себя подумала: «Так вам и надо, лишь бы следов моего дела не нашли».

Так оно и вышло. На ножницах нашли отпечатки пальцев Кати. Я же ее ножницы голыми руками не трогала, брала через тряпку. Позже следователь вызвал на допрос и меня. Но я сказала, что к этому делу непричастна. Спросил и о причине наших частых ссор. Я огрызнулась в ответ: «А они с кем только не ругались?», — и меня, долго не держав, быстро отпустили с допроса.

Но Катя на следствии, видимо, рассказала про заточку, спрятанную в клубе, потому что после обеда меня снова забрали к следователю. Я стояла на своем. То орудие убийства, предназначавшееся мне, видимо, так и не нашли, а если бы нашли — разговор был бы другой.

Следователь долго чесал затылок, а потом отпустил меня. Оказался казахским парнем. На прощание отчитал меня: «Отныне каждый твой шаг будет под наблюдением, такую шлюху, как ты, надо бы надолго изолировать от людей».

А мне было плевать. Я настолько привыкла к таким словам, что его брань забыла в ту же секунду, как переступила порог и вышла наружу.

— Ага, я отправила в ад одну прошмандовку. И ни капли об этом не жалею! А если бы я так не сделала, я бы сейчас с вами тут не сидела, а давно гнила бы, став кормом для червей-насекомых, лежала бы безымянным холмиком на месте Мары!

Глаза Гули метали искры, она опрокинула пластиковый стакан с водкой и жадно затянулась сигаретой.

Мы снова предались плотским утехам. На этот раз мне показалось еще особеннее, чем в прошлый. Потому что, выговорившись, изливая душу, девушка будто облегчилась, настроение у нее поднялось.

Время уже подходило к пяти утра. Прибрав на столе, заправив постель, Гуля сунула в карман одну початую, другую нераспечатанную бутылки, а остальное сложила в полиэтиленовый пакет, чтобы забрать с собой, и попрощалась со мной.

На прощание сказала: «Ага, приходите еще! Ух, какой был чудесный вечер!

Спасибо! И апе (старшая сестра, по казахски), передайте от меня благодарность, поклон. Я здесь из трусливого ягненка, ставшего жертвой того Такена, превратилась в хищную волчицу! Прощайте, до следующей встречи, буду ждать вас с нетерпением!» — чмокнула меня в щеку и выскочила за дверь.

Спустя некоторое время в комнату, где я сидел, зашел Нуржан, и мы вдвоем направились к выходу. Он молча довез меня на машине и оставил у кафе. Измяв в лепёшку тощий, как доска, передок девки всю ночь, я еле волоча ноги, поплелся в кафе.

Там меня встретила Тамара. Хоть я и видел ее вопросительный взгляд, ничего толком ей не сказал. Отдохнув часок-другой, перекусив там же, разговелся и отправился на работу.

Неожиданный подарок

(Третий рассказ Олжабая)

Через некоторое время мне вдруг позвонила Тамара. Голос у нее был на редкость веселый. Она напомнила, что ждет меня сегодня вечером в кафе и что мне нужно «отпроситься» из дома до утра, после чего тут же повесила трубку.

«Э, я для вас, что ли, племенным быком стал! Схожу, схожу!» — подумал я про себя и позвонил жене, сказав, что у меня срочное дело и я еду в район. Недавно я подарил ей соболью шубу. С тех пор она повеселела, утром провожает на работу с улыбкой, вечером встречает.

Как и договаривались, часам к восьми вечера я пришел в кафе. Тамара провела меня в отдельную комнату. Сидевшая в почетном углу Гуля вскочила и бросилась мне на шею. Я от неожиданности даже слова вымолвить не смог.

— Да-да, я с сегодняшнего дня на свободе! Все пережитые мучения в один миг забылись! Тамаре-апа и вам я безмерно благодарна! — и Гуля расплакалась.

— Олжеке, вы принесли мне огромную удачу, у тех бандитов, которых вы помогли поймать в прошлый раз, оказывается, целый хвост преступлений, — начала Тамара.

— Да, так оно и вышло! Их делом сейчас занимаются очень авторитетные органы нашей страны. Многое, похоже, подтверждается. Уполномоченные лица передали мне полномочия вручить вам благодарственное письмо и счет на один миллион за помощь в поимке той преступной группы. А досрочное освобождение Гули — тоже из-за этого. По этому поводу мы сегодня устроили небольшой вечер. Вы будете самым почетным гостем этого вечера!

Тамара сунула мне в руки увесистый пакет с государственной печатью. Подбежавшая ко мне Гуля, видя, что я ничего не понимаю, взяла пакет из моей ладони и аккуратно положила его мне во внутренний карман.

«Э, Всевышний, если ты хочешь дать человеку, то даешь и через дверь, и через форточку!» — подумал я и от радости хлопнул в ладоши. Тамара и девушка подошли, целуют меня в щеку, обхаживают.

Я оправдался:

— Я хлопаю в ладоши не из-за денег, а от радости, что Гуля жива-здорова вернулась к нам, сам не заметил, как замахал руками, — на что Тамара ответила:

— Мы верим вашим словам. Потому что не раз убеждались, что вы честный, добрый парень. Отныне я, Гуля и вы — мы создаем Тройственный союз. Считайте себя с сегодняшнего дня его полноправным членом!

Начался еще один шумный вечер. Тамара потратилась изрядно. Зарезали барана. Голову подали мне. Еще один момент — на сегодняшний праздник пришел и тот самый парень Нуржан, который возил меня на встречу с Гулей. Но он, посидев немного, сослался на занятость и отпросился у Тамары.

Завязался разговор. Главным образом — о будущем Гули.

Тамара, глядя на Гулю, сказала:

— Ты теперь будешь жить со мной. Все равно в огромном доме я одна, иногда мне в нем тесно. Потому и не выхожу сутками из кафе. Ребенок давно лежит в спецлечебнице. Надежды на выздоровление нет. А ты, Гуля, что думаешь дальше делать, учиться будешь или как?

— Я немного отдохну, приду в себя. Потом об этом поговорим.

Проведя еще одну ночь в объятиях девушки, я ближе к обеду направился домой. По дороге сунул жене в руки солидную часть из миллиона, взятого из банка, и попросил ее пока не тратить. Получив еще немного денег «на свои нужды» и обрадовавшись, она спросила, как я смотрю на то, чтобы она съездила проведать родителей, погостила у родных. Я ответил:

— Тогда готовь детей, купи одежду, и себе обнови гардероб, как полагается женщине, едущей к родне. На этих выходных отвезем их старикам, пусть понянчатся. Сколько можно тебе ездить к родным одной, как вдове, — на что моя простодушная жена, совсем рассиявшись, сказала:

— Может, тогда и ваших агашек с абысынками (братья и снохи, показахски) позовем, вместе поедем?

— Не знаю, сама договаривайся, у меня нет времени с ними разговаривать, все по полочкам раскладывать, у меня куча дел ждет своей очереди, вот, на, старикам на гостинцы, купишь подарки, — и сунул ей еще приличную сумму.

Видя, как жена, не видевшая от меня такого с тех пор, как вышла за меня, стоит с открытым ртом и смотрит на меня, я сказал:

— Закрой рот, муха залетит! — легонько ткнул ее и направился к двери.

Дети, видя, что я так весело разговариваю с их мамой и шучу, тоже обрадовались и зашумели.

На работе я посидел, привел дела в порядок. Потом зашел к начальнику, начал говорить о решении одного из очередных вопросов, как он вдруг сказал:

— Олжеке, вы же знаете, что место моего зама давно вакантно, пару человек «сватались», но наше вышестоящее начальство добро не дало. А я давно ждал, что вы придете просить это место. Но вы не пришли. И я решил сделать вам сюрприз и на днях отправил ваши документы наверх. Сегодня сам областной начальник позвонил и сказал, что одобряет вашу кандидатуру. Ну что, Олжеке, отдел кадров подготовил приказ, сегодня его утвердили в управлении. Теперь готовьтесь обмывать новую должность! Служебная машина с этой минуты в вашем распоряжении, поздравляю!

Я от растерянности не сразу нашелся, что сказать:

— Раз так, зачем откладывать хорошее дело на завтра. Можно устроить и сегодня. Вы скажите, сколько человек будет, если хотите пригласить и верхнее начальство — я готов, и чапан для него припасен. Если вы меня испытывали, то и я вас давно испытывал. «Сам парень правильный, с низов поднялся, когда-то я ему немало помог. Четыре года назад, когда наш начальник попался на хищении крупной суммы и сел, областное начальство отдало выбор начальника на откуп коллективу, я первым предложил вашу кандидатуру. Тогда я перед всеми первым похвалил вас, сказал, что вы молодой кадр, далекий от коррупции, землячества, трайбализма, честный парень, неужели забыли?» — думал я, а сегодня вы оправдываете эту надежду, братишка! — и похлопал начальника по плечу.

— Ойпырмай (возглас удивления, по казахски), вы меня разделали под орех! Давайте с сегодняшнего дня прекратим эти «ага, ини» (брат, братишка)! Вы всего на три года старше меня, договорились? Ну, тогда куда едем, я переговорю с большим начальником! Через пару минут дам ответ, Олжабай Кожбанович!

Я назвал начальнику кафе Тамары и вышел из его кабинета. Пока шел к своему кабинету, все встречные коллеги поздравляли меня. Первым делом сообщил радостную новость жене, потом позвонил Тамаре. Она тоже обрадовалась, сказала, что примет прямо сейчас, сколько бы человек ни было, и поздравила меня с новой должностью. Новость быстро разлетелась по городу, и вскоре самые близкие друзья начали обрывать мой телефон звонками.

Через час приехал начальник управления, собрал коллектив в актовом зале, при всех расхвалил меня и утвердил заместителем начальника учреждения. Вместе с начальником управления, видными женщинами и мужчинами нашего коллектива, рядовыми сотрудниками, одним из шишек из городской администрации и еще парой-тройкой знакомых мне ответственных работников, мы на десятке машин подъехали к кафе.

Я специально вызвал сюда жену и детей. Сорок с лишним человек сидим в отдельном зале, гуляем. Тамара, надо отдать ей должное, выставила все, кроме птичьего молока, стол

ломится. Отведя жену в сторону, я попросил у нее те деньги. Она, иногда включающая голову, оказывается, «аману» сразу взяла с собой. Представил по случаю семью народу. Жену и детей посадил за отдельный столик, иногда подходил к ним.

В мой адрес лились хвалебные речи. Начавший застолье мой начальник, назвав меня «Дальновидной, солидной личностью», сказал, что скоро переводится в область, а на свое место, не ища руководителя на стороне, будет рекомендовать меня, и коллеги разразились бурными аплодисментами.

— Олжабай Кожбанович, вы теперь сегодня одним бараном легко не отделаетесь, — сказал начальник управления, на что «шишка» из городской администрации ответил:

— Мне тоже нравится этот Олжеке, потому что мы давно не можем найти человека на должность начальника одного ответственного отдела. Простые, основательные работники нужны везде. Прямо завтра пришлите мне документы Олжабая Кожбановича, — приказал он начальнику управления.

Я отвел своего начальника в сторону и спросил, как он смотрит на то, что разговор принимает такой оборот. Он ответил:

— Олжеке, все идет правильно. Эти ребята слов на ветер не бросают. Вы им понравились обоим. Так что, как это говорится…, да, смазать надо их. Сегодня же. Чапан не нужен, вы же все сами понимаете!…

Намек я понял без слов. Но, подумав, я понял, что именно мой начальник больше всех бьет в мой барабан, в отличие от других начальников. Сказал ему об этом наедине и сунул в руку конверт с двумястами тысячами. Намекнул, что сегодня у меня нет возможности одаривать остальных. Он кивнул, соглашаясь со мной.

Гулянка закончилась. Народ, наевшись-напившись, разошелся. Договорившись с Тамарой рассчитаться позже, я тоже с женой и детьми направился домой. Выпив чаю, сославшись на кучу работы, вырвался из дома.

Сижу на службе. Анализирую произошедшие события и вижу, что в последнее время мне везет, с помощью Всевышнего я начал кое-чего добиваться. Главное — мой авторитет растет и в коллективе, и среди родственников. Теперь понимаю, что дальше нужно действовать как можно осторожнее, не упуская достигнутого, и сосредоточиться на стратегии и тактике заботы о собственной шкуре.

Но вот это «Но…,» мучает человека. А говорю так потому, что нахождение дочери Гульжанат стало причиной возникновения дополнительных проблем.

ТОКАЛ (Младшая жена)

(Четвертый рассказ Олжабая)

После встречи с дочерью, спустя две-три недели, я пошел их искать. Открывшую дверь первую жену, стоявшую в изумлении, отодвинула выбежавшая из-за ее спины Гульжанат и с плачем бросилась ко мне на шею.

— Пришел, папочка! Я тебя каждый день ждала, ты теперь не уйдешь? Я каждый день, как ты и говорил, приношу из школы только «пятерки»! Сейчас позвоню Майре, позову ее! Пусть увидит, что мой папа пришел домой, а то она уже начала меня дразнить: «Когда твой папа придет, или он уже не придет?!»

Тараторя, Гульжанат тут же взяла купленный мной мобильник и стала искать номер подруги.

— Жанат, когда Майра возьмет трубку, дай мне, мне надо с ее мамой поговорить, ладно? — сказала дочери. Потом жестом показала мне: «Не зайдешь ли?». Я, неся 3—4 пакета с гостинцами, купленными по дороге в магазине, переступил порог.

Маржан (имя бывшей жены) постелила на стул во главе большого стола, стоявшего посреди хорошо обставленной комнаты, маленькую подушечку и усадила меня.

— Вот так и живем. Работаю бухгалтером в одной компании. Когда на днях дочь прибежала домой в восторге: «Я нашла папу!», я не поверила, но когда увидела твои фото в купленном тобой телефоне, деваться было некуда. Я думала, ей еще рано носить телефон. А так, слава богу, единственной дочери могу купить все, что она захочет. У нее и ноутбук, и планшет есть, но боюсь, что уронит или кто-нибудь на улице отберет, поэтому не решалась давать телефон. Маленькая еще…

Я промолчал. Тут в комнату вошла Гульжанат, отдавая телефон маме, сказала:

— Мама Майры, — и залезла ко мне на колени.

Дочь рассказывала мне что-то про школу, про Майру. Из коридора доносился голос Маржан, разговаривавшей с кем-то.

— Я хорошо учусь. На днях учительница тоже меня маме похвалила. Только математику не очень понимаю. А Майра все предметы хорошо знает. Стараюсь у нее не списывать, она же моя подруга, объясняет мне уроки, потому что ее мама тоже учительница и работает в нашей школе. Майра — одна из лучших учениц в школе.

У мамы иногда на работе болит голова. Тогда я даю ей чай, кладу на лоб тряпку, смоченную в холодной воде, и сижу рядом. Потом, когда ей становится лучше, она готовит еду.

Маржан, сказав, что поставила еду, начала накрывать на стол. Гульжанат тоже помогала маме, бегала, носила тарелки-ложки. Время от времени поглядывала в мою сторону.

Вдруг дочь подошла ко мне, сняла с меня пиджак и повесила на спинку стула. Совсем присвоила меня, взяла под свою опеку.

Мы только начали пить чай, как вдруг зазвенел дверной звонок. Открывшая дверь Гульжанат с шумом ввела в комнату Майру, которая, увидев меня, бросилась ко мне с криком: «Папа!». Я обнял ее и поцеловал в щеку.

— Наши девочки лучше нас, общего папу нашли, — раздался голос, и, обернувшись, я увидел в дверях улыбающуюся полноватую, лет тридцати с небольшим, светленькую симпатичную женщину.

Я встал и поприветствовал ее жестом. Две девочки уселись по обе стороны от меня. Одна говорит «Папа!» и что-то рассказывает, вторая тоже «Папа!» — перетягивает внимание на себя. Гульжанат ничуть не ревновала меня к Майре, наоборот, ей, кажется, нравилось, что подруга называет меня «Папой». Чаепитие продолжилось.

Чтобы не сидеть молча, я сказал:

— Мы не сильнее судьбы, вот как все обернулось. Майра, будь здорова, у всех спрашивала «Ты мой папа?» и нашла папу подруги. Себе, похоже, тоже нашла. Ребенок же ангел, ему, по-моему, сам Аллах слова в уста вкладывает. А это Маржан, наша Байбише (старшая жена), давняя «кровная» подруга, давайте знакомиться, а вы…

— Да, этот Олжабай такой парень, где бы ни был, думает только о своей выгоде, сейчас тоже на тебя глаз положил, — смеясь, вмешалась в разговор моя «Байбише». — Это твоя Токал (младшая жена), зовут Актоты. Кутты болсын! (Поздравляю!)

— Аумин, — спокойно сказал я. — Может, муллу позовем!

— А зачем мулла, папа? — тут же спросила Гульжанат. — На днях, когда дедушка Каната заболел, звали муллу, который живет в доме напротив. А вскоре после этого дедушка умер. А у нас же никто не болеет!?

Мы разразились громким хохотом. Обе женщины, повеселев после слов Гульжанат, вышли в кухню и начали таскать на стол всякую всячину. Бутылки тоже выстроили рядом со мной. Спустя время на большом блюде подали дымящийся куырдак (жаркое).

Застолье продлилось до полуночи. После того как мясо было съедено, Актоты с дочерью засобирались уходить. Мы с Гульжанат вышли проводить их на улицу. Маржан посмотрела на меня вопросительно, я сказал:

— Завтра же выходной, да и Гульжанат, похоже, не отпустит, — она только дернула плечом и промолчала.

Дом Майры оказался совсем рядом.

— Попробуй угощение и из дома Токал, — шепнула мне Актоты на ухо, чтобы не слышали девочки.

Они жили в скромно обставленной двухкомнатной квартире. Перекусив что-то на кухне, посидев немного, мы с Гульжанат засобирались уходить. Майра вот-вот заплачет. Я погладил ее по голове и сказал, что еще приду. Но она не переставала всхлипывать:

— Гульжанат нашла папу, а где мой? — посмотрела она на маму вопросительно. У меня совсем голова пошла кругом. Тогда я, чтобы не стоять столбом, сказал:

— Я буду папой для вас обеих, а если ты будешь все время плакать, я вообще перестану приходить! — твердо сказал я.

Майра у двери с трудом с нами попрощалась.

Я сказал Актоты:

— Мой номер есть в телефоне Майры, — намекнул я, выходя из дома.

Она кивнула, давая понять, что поняла.

Когда мы вернулись, Маржан гремела посудой, мыла ее. Диван был разложен, постель постелена. Мы с дочерью поиграли, повозились и уснули.

— Что, спать пришел? — от чьего голоса я проснулся, где я лежу, я спросонья не сразу понял, и, открыв глаза, огляделся — у изголовья в одной сорочке сидела «Байбише».

Ту ночь я провел с бывшей женой. Хоть мы и разошлись, не сложилась судьба, но несколько лет прожили вместе, узнаем друг друга по движению, обнялись, поласкались. Остыв, через время снова взялись за дело. «Байбише» лежала как трактором переехаанная, без движения, я «ткнул» ее — живая. Шевелится.

— Эй, что с тобой, ты здорова? Что это за лежка, пошли на кухню, выпьем чего-нибудь, промочим горло! — сказал я, а она ответила:

— Ты иди, я попозже…

Я попил холодной воды, посидел, потягиваясь. Маржан не шла, и я вернулся в спальню — «Байбише», посапывая носом, спала. Пытался разбудить, она что-то пробормотала и перевернулась на другой бок. Тогда и я уснул.

Утром проснулся — уже десять часов. Рядом сидит дочь Гульжанат. Смотрит на меня и улыбается.

— Мама ушла на работу. Сказала, дела срочные. «Когда папа проснется, напои его чаем», — сказала, я на кухне чай приготовила. Вставай, будем пить чай. Майра тоже там тебя ждет, — сказала дочь.

Я умылся и зашел на кухню — две девочки сидят, уткнувшись в телефоны. Попил с ними чай, посидел немного и собрался уходить, как Майра сказала:

— Мы хотим мороженого.

Я ответил:

— Тогда одевайтесь, пошли.

— Вот, я же говорила, мой папа очень хороший человек, а ты говорила: «Он сейчас что-нибудь придумает и уйдет», — сказала Гульжанат, глядя на Майру с гордостью, и крепко обняла меня за шею.

Я отвел двух девочек в то самое кафе Тамары. Они ели мороженое, пили напитки…

Вдруг на столе зазвонил служебный телефон. Мысль прервалась. Поднял трубку — жена.

— Мобильный у тебя отключен, вот и звоню сюда, домой приехали ага с детьми, не придешь ли быстрее?

— Что им в семь ночей понадобилось?

— Ну, как не приехать, если младший брат на службе повышается, разве ага-женге (Братья-снохи) могут спокойно сидеть…

— Ну тогда пусть режь барана, я сейчас приеду.

— Иди ты, какой баран в коммунальной квартире на ночь глядя!

— А, вот как! Помнишь, четыре-пять лет назад, когда вечером приехал твой отец, ты еще до утра не дожидаясь бурчала: «Барана не зарезал!»? А теперь покажи свою силу, прояви и казан (котел) вскипяти! — сказал я и положил трубку.

Вернулся к Тамаре, оплатил тот счет. Потратился прилично. Потом завернул в ее холодильнике лучшие куски недавно зарезанного барана, взял и другое, что нужно. Пришел домой — в моей трехкомнатной квартире полно людей, шум-гам. Свои дети, младшие дети двух моих братьев — в нашем доме собралось немало народу. Растерянная жена, увидев принесенные мной бутылки, мясо и прочее, сразу повеселела. Младшая женге с ней вместе притащила еще кое-что из круглосуточного магазина у дома.

В одной комнате накрыли стол для детей, другую заняли взрослые. Пошумели, погуляли. Ага и женге высказали мне сердечные пожелания. Между делом младший брат, упомянув про соседского парня, работающего в известных органах, который видел меня на рассвете с Нуржаном, заставил меня немного насторожиться. Нуржан, оказывается, очень авторитетный сотрудник одной крупной силовой структуры области.

Жена не придала этому значения. Потому что я недавно пару раз уходил из дома под утро, ссылаясь на работу. Но когда в конце разговора я услышал, что того самого Нуржана кто-то застрелил, у меня душа ушла в пятки. Но виду не подал.

Гулянка в нашем доме закончилась за полночь. Братья мои с детьми-домочадцами уехали, прошло уже немало времени. А мне сон не идет. Жена на кухне гремит посудой. Она рада, что перед отпуском поедет к родным с моими братьями и их женами.

…После той последней встречи с Гульжанат, через две-три недели, позвонила мама Майры, Актоты. После приветствий я, шутя, сказал:

— Кажется, и до Токал очередь дошла, ну когда встретимся, — на что она тут же ответила.

— Завтра в городе однодневный семинар учителей. Я скажу, что занята делами совещания, и оставлю Майру у Гульжанат, она там переночует. Дома буду одна. Можешь прийти, чтобы никто не видел. Но сразу предупреждаю, я и Гульжанат, и Маржан скажу, что меня дома не будет, то есть ночевать не буду. Позвони завтра вечером часов в семь на этот номер. Остальное обсудим тогда, — и отключила телефон.

«Это что такое, меня на аркане тащат, что ли, эти бабы!» — почесал я голову и задумался. Но когда представил себе спелую, как абрикос, полную Актоты, потерял покой.

На следующий день в условленное время позвонил Актоты. Она сразу ответила.

Часам к девяти ночи я постучал в дверь «Токал». Оказалось открыто. В нос ударил запах вяленого мяса. Я быстро вошел, прикрыл дверь и запер изнутри.

В квартире темнота. Через время глаза привыкли к темноте. Пошел было на кухню, как кто-то взял меня за руку и повел. В полумраке я увидел Актоты.

На обеденном столе большая тарелка с мясом. Актоты, прикрывая лицо от света, падавшего с балкона на улицу, села напротив меня. Вымыв руки, я принялся крошить мясо. Видимо, от того, что весь день на работе, да и время ужина уже прошло, я проголодался и время от времени откусывал от нарезанного мяса.

— Ты, оказывается и сильный конспиратор, ну рассказывай, — сказал я, глядя на Актоты.

— Да что мне рассказывать. Раз вы сами хотели прийти, это просто меры, чтобы не попасться чужим на глаза. Дома подрастающая дочь, да и Маржан не чужой человек, мы с ней давно общаемся…

— Да, в доме с детьми воровство не утаишь, они все равно услышат…

— Кое-что мы тоже услышали после той встречи, видимо, так и будет, — сказала Актоты, лукаво улыбаясь, и налила в рюмку водки. Себе выбрала грузинское вино.

Наелся мяса до отвала, похлебал и шурпы. Водка тоже изрядно подняла настроение, опьянила. Отложив чай на потом, направились в спальню.

Молодуха с телом жеребенка в моих объятиях. Как гурия из рая. Второй раз был еще прекраснее. Устал и незаметно уснул. Проснулся — уже рассвет брезжит.

Актоты тоже проснулась и начала прежнее. Все тело задрожало, я испытал состояние, которого раньше не знал. В какой-то момент женщина оседлала меня и поскакала. Через время мы оба, достигнув блаженства, обессиленные, остановились. Женщина с трудом сползла с меня и легла на живот.

На кухне попили утренний чай.

— Ты, оказывается, женщина, которая много знает. Почему муж тебя бросил, не пожалел? — спросил я, выпытывая.

— Он меня не бросал, когда Майре был год, он утонул на речке во время купания. После института за мной стал ухаживать один парень на пять лет младше меня. И сватов домой присылал. Но я не согласилась, говорила, что он младше. Ему тогда было девятнадцать, а мне уже двадцать три. Родители тоже оставили выбор за мной. И вот однажды, когда я шла с работы, он с двумя-тремя парнями насильно меня украл. Когда привез в аул, вся его родня обступила меня, умоляла, говорила последние слова. Даже одна восьмидесятилетняя старуха легла поперек порога на спину и сказала: «Если переступишь через меня, уходи!». Тут же, узнав, прибежала моя мать и, рыдая, уговорила меня смириться с судьбой.

Но, надо отдать должное, муж мой, хоть и молодой, оказался шустрым. День и ночь не знал покоя, и зарабатывал хорошо. Все делал ради меня, смотрел мне в рот. Не знаю, как он успевал, но он отвозил меня на работу и после занятий встречал, привозил домой. Идя рядом, он мог обогнать меня, потом прибежать и обнять. Рассказывал смешные истории, не давал скучать. Я в такие моменты со стыда готова была сквозь землю провалиться от людей вокруг. Учительницы на работе, когда хвалили его, исходили слюной.

И я через три-четыре месяца почувствовала, что по-настоящему полюбила его. Поэтому, наверное, в постели соглашалась на все, что он хотел, делала все, что он просил. Подчинялась его воле.

После свадьбы, месяца через два-три, я почувствовала, что беременна. Если бы ты видел, как он радовался! Я не раз видела, как он днем, когда я спала, сидел и отгонял от меня мух. Но когда дочери исполнился год, он погиб от несчастного случая. Его родня очень хотела женить на мне его младшего брата, который был младше его намного. Но я не согласилась.

Так и осталась одна. Отношения с родней Майры так и охладели. Только изредка кто-нибудь заходит. Привозят сыбага с согыма (Мясо полагающее от родни, когда режут большой скот для зимнего запаса). Когда женился кайным (брат мужа), я поехала на их свадьбу с Майрой, отвезла солидный Тойана (Подарок для свадьбы), поцеловала невестку в щеку и уехала. Только та невестка иногда заглядывает к нам. Другой связи нет.

Вот так, прошло уже семь-восемь лет, как умер муж, но я так и не смогла сойтись ни с одним мужчиной. Сватающихся до сих пор много. И дома покоя не дают. Но я боюсь снова испытывать судьбу. Знаю, что и это мое положение — испытание. Боюсь, что тот, за кого выйду, если не меня, то завтра полезет к подросшей дочери — такая дурная мысль тоже есть. И нет никого, кто хотел бы взять меня в жены по-настоящему, а на мимолетную страсть я не согласна.

— Тогда что это наше свидание? — спросил я ее, удивленно.

— Майра, Майра…, — сказала женщина и разрыдалась…

Отец-многодетец

(Пятый рассказ Олжабая)

Беготня продолжалась. С приходом весны у родни участились тои и садака (Мероприятия крупные и мелкие торжества). На одном из таких праздников я издали увидел Тамару и кивнул ей в знак приветствия. Подал ей знак: «Скоро дам о себе знать». Она поняла.

Работа заместителя директора тоже оказалась со своими трудностями. Иногда даже нос высморкать некогда. В субботу, ближе к вечеру, разгреб немного текущие дела и вечером вырвался из дома под предлогом «Проведать дочь». После тех давних времен я с интервалом в неделю пару раз «объезжал» аулы «Байбише-Токал», ночуя по очереди. И вот теперь, спустя почти два месяца, снова рванул к Гульжанат.

Дверь открыла Маржан. Из-за ее спины с радостью выбежала дочь. Обняла меня за шею как клещами и что-то шепчет на ухо. Я не сразу понял, что говорит дочь.

Лицо «Байбише» показалось мне осунувшимся. Но она, не подавая виду, накрывала на стол, и они с дочерью суетились.

— Ты бы хоть заранее предупреждал, мы бы подготовились, встретили! — упрекнула она.

— А тебе чего готовиться, место для мытья у тебя дома!

— Иди ты, у тебя кроме этого других мыслей нет!

— Вся прелесть жизни и крутится вокруг этих дел, разве нет?

— Да ну тебя, псих!

— Мама, мама, давай я Майру позову, скажу, что папа пришел, а то она на меня обидится, — вмешалась в разговор дочь, расставлявшая на столе ложки, принесенные с кухни.

— Как хочешь, душа моя, отец вон тоже молчит, — Маржан, выразительно посмотрев на меня и усмехнувшись, добавила.

Я сделал вид, что не понял ее слов, и продолжил разговор:

— А что, пусть позовет, подруги же!

— Подруги, как же! Ее мать, небось, покоя тебе не дает! — сказала она, когда Гульжанат разговаривала по телефону в прихожей, насмешливо улыбаясь. — Я все знаю. Будь что будет! Только бы твоя тощая злыдня-жена не узнала и не разнесла нас троих в пух и прах!

Я раскрыл рот от удивления.

Через некоторое время прибежала Майра с криком «Папа!». Сразу бросилась ко мне в объятия и тоже что-то зашептала на ухо.

Понял только одно слово — «Бопе» -Дитя. Только сейчас до меня дошло, что это же слово Гульжанат шептала мне на ухо в прихожей. Когда я сидел, остолбенев как обухом по голове, в дверь вошла Актоты. Той прежней, пышущей огнем женщины не было. Как бабка, у которой отобрали силу, лицо у нее тоже было бледное.

— Эй, что с вами, все в порядке? — «У кого рыльце в пушку, тот и суетится», пришлось мне самому начинать разговор. Обе женщины переглянулись, усмехнулись и сидят молча.

Моя «Байбише»:

— Мы обе немного приболели…

— От чего?

— От колбасы, которую ты в тот раз принес…

— И зачем было столько есть…

— Ну, вкусно же было…

— Девочки вон здоровые, бегают же, они, наверное, не меньше вашего съели…

— В общем, дело такое. Олжеке, мы обе беременны…

После недолгого молчания я сказал:

— Колбаса! Колбаса! Чудо-колбаса, оказывается. Ну, тогда поздравляю! Это же временная болезнь, которая бывает у женщин. Э, самое интересное, похоже, еще впереди. Значит, отцом будущих младенцев, похоже, буду я. Похоже, сегодня удачный день для «Карын шашу» — Посиделовка по случаю беременности…

— Ты угадал, Олжеке! — Речь повела «Байбише», которая уже давно взяла бразды правления в свои руки. — Мы это и предполагали заранее. Мы с Актоты смотрим на это, пусть дети и вне брака, как на дар Всевышнего. Взять, например, меня — будущий ребенок для Гульжанат чужим не будет, своя кровь. Да и у Актоты к тебе никакой обиды нет, наоборот, наверное, только благодарность. Майра при слове «Папа» готова на все. Нам обеим уже за тридцать. Выйти замуж снова — вряд ли сможем. Девочки не должны расти одни. А о том, что ты — наш последний шанс родить ребенка в этой жизни, можно и не говорить. «С привычным врагом и воевать лучше». Еще повоюем, даст Бог. Если захочешь дать свою фамилию, записать их на свое имя — милости просим, «Нет, так не пойдет» — тоже не обидимся. Короче говоря, мы знаем, что ты неплохой парень! Верим, что в трудную минуту подставишь плечо, вот и пришли к такому решению в это тяжелое время. Знаем, что у тебя семья, трое детей. Жену твою тоже видели со стороны. Но, мы не смогли бы пойти на грех, сделав аборт. Мы теперь будем вдвоем молиться за твое благополучие!

У меня голова пошла кругом. Язык словно отнялся.

Только и смог сказать:

— Гульжанат, Майра, пойдемте, пока еда готовится, отведу вас поесть мороженого! — и выскользнул за дверь. Мне нужно было побыть одному и переварить в голове все услышанное.

Взяв девочек за руки, я пришел в кафе Тамары. Они там были обе. Я почувствовал, что Гуля хочет броситься мне на шею, но стесняется девочек. Нас встретили радушно. Девочки наелись мороженого вдоволь. Видя, что я сижу молча, женщины тоже не лезли с разговорами. Я заказал девочкам шашлык, отвел двух женщин в сторонку и шепнул, что приду сегодня в час ночи. Гуля обрадовалась. Попросил у Тамары сто тысяч, взял девочек и вышел на улицу.

Когда мы пришли в дом Маржан, куырдак уже был готов.

— Наш герой, похоже, испугался, что на его шею сели сразу две жены, — съязвила Маржан. — Мы даже подумали, что ты сбежал. Хорошо, что пришел, еда готова.

— Сегодня мы втроем будем спать в одной постели. Теперь вы друг другу «Бажа» — Шуринами стали. Чего стесняться. Вы же не сегодня рожать собрались. Все прелести и горести будем теперь видеть вместе, — сказал я, тоже подкалывая ее.

— Иди ты, вот он теперь решил над нами поиздеваться, мы тут от токсикоза мучаемся, рвем и мечем, — «Байбише», приняв мою шутку всерьез, надулась.

— Если не вы, я ничего не боюсь. Некоторые месяцами-годами ездят по заграничным клиникам, не могут зачать ребенка, за одним младенцем убиваются. Теперь и мы будем держать язык за зубами, и дальше посмотрим. Деньги вот, поделите поровну, Актоты, если с работой будут проблемы — увольняйся. Но, сейчас родить ребенка — это дело каждого, не советское время, когда твою мораль под лупой рассматривали. Пока я жив, буду помогать вам всем, чем смогу, но обещать, что озолочу, не могу, я тоже человек семейный. С этого дня все будем делать, советуясь, потому что никто из нас, наверное, не хочет, чтобы наша арба перевернулась на полпути, — сказал я.

Обе женщины, довольные мной, пустили по слезе.

Потом я сказал:

— Как бы то ни было, времена сейчас непростые, да и люди такие. Ешьте вовремя, овощи жуйте хоть каждый день, от этого вам только польза, особого вреда не будет. Питайтесь витаминами, к врачу ходите почаще, советуйтесь. Они вам плохого не пожелают. Вы не молодые, между первыми детьми и этими — 8—9 лет. Об этом тоже не забывайте. Конечно, я тоже буду приезжать. Тогда девочек будете по очереди отправлять ночевать друг к другу. Это тоже

полезно для правильного развития ребенка в утробе, для хорошего настроения матери, так говорят ученые-медики, — закончил я.

— Ой-ой, посмотрите на этого хитрюгу, даже здесь он свою выгоду ставит выше всего. Мы, конечно, не боимся снова забеременеть. Приходи, но если не придешь, мы придем искать тебя на работу, домой, — огрызнулась «Байбише».

Актоты сидела и смеялась.

— Вот видишь, и соперница твоя повеселела, — поддел я ее еще.

Слово «Соперница» я сказал специально, думал, Актоты разозлится, но она на мое слово внимания не обратила. Значит, это прозвище они и в обычные дни используют между собой, стало ясно.

— Вам нельзя, но я за то, что в скором времени стану «Отец-многодетец», сейчас опрокину вот это, — сказал я и потянулся к посуде с налитым спиртным, как обе женщины разразились громким хохотом.

Играющие в другой комнате на компьютере две девочки тоже высовывали головы в дверь, поглядывая в нашу сторону, пытаясь понять, чему мы смеемся.

Женщины повеселели, после еды, вспотев, пили чай.

— Вот, у вас обеих кровь к лицу прилила, похорошели. На остальное — уповаем на Бога, лишь бы дети развивались без осложнений, а остальное в руках Всевышнего, — сказал я.

— Оно-то так, но и нам есть чего бояться. В таких случаях говорят «Одна нога здесь, другая в могиле», да и мы вдвоем думали, как ты воспримешь эту неожиданную новость, — сказала «байбише».

— Не каркайте, говорите хорошие слова, говорят, ангел сидит у человека на плече и каждое слово записывает в книгу, особенно в вашем положении доброе слово и добрые намерения, твердая вера в завтрашний день — очень важны. Следующая встреча пусть будет в пятницу в том ауле. Готовьтесь к ней, — указал я на Актоты и, попрощавшись с девочками, вышел из дома.

Жене я сказал, что «По делам уезжаю вечером в район». Кольцо золотое, недавно подаренное, еще не остыло. Поэтому она не стала говорить «Что за район на выходных?».

Совет

(Шестой рассказ Олжабая)

Было около двенадцати ночи. Я зашел в кафе, встал в тени и огляделся. Ничего подозрительного. Все как обычно. Спросил у одной официантки, где Тамара и Гуля. Она подбородком указала на одну дверь. Зашел — Тамара разговаривала с какой-то женщиной. Гули не видно. Вскочившая Тамара засуетилась. Я поздоровался, осведомился о делах и сел на диван в стороне.

Прервав разговор, Тамара поспешно попрощалась с той женщиной. Когда та вышла, она подошла ко мне:

— Это моя единственная сестренка. Приходила денег просить. Дала, что делать. Кровиночка же моя. Гуля тут, пока вас не было, прилегла вздремнуть вон в той комнате, — открыла она дверь, — Вставай, джигит твой пришел.

Я отчетливо услышал радостный крик Гули.

— Она вас давно ждет. Как увидела вас и услышала, что ночью придете, уши мне прожужжала от радости. Я ей сказала, пока ты не пришел, отдохни немного. Сидите, я скажу девочкам, чтобы накрыли стол в этом кабинете, — и Тамара вышла из комнаты.

Через некоторое время в комнату влетела Гуля, обнявшись со мной, начала:

— Ага, как хорошо, что вы пришли, пропали же совсем. Что случилось, или на нас обиделись? — говорит, дуясь.

— Нет, — сказал я, — просто работа усложнилась. Сама знаешь, сейчас никому легко не приходится. К тому же, возраст уже не тот, чтобы бегать. В молодости все к лицу, а нас теперь больше тянет к вкусной еде и мягкому дивану перед телевизором.

— Ой, не принижайте себя так. Я вас на двадцатилетнего парня не променяю. А мягкая постель и здесь найдется! —

Девушка лукаво посмотрела на меня.

Тамара с девушками зашли, накрыли стол, расставили всякую всячину. Через некоторое время началось застолье. Выпивая-закусывая, я спросил:

— А где Нуржан почему-то не видно? — посмотрел я на Тамару. Она, не задумываясь:

— Получил ранение при исполнении, сейчас лечится в Алматы, кстати, вспомнила, он вот это письмо передал для вас. Мне вчера кто-то принес. На конверте есть просьба: «Прочитав, сожгите при Тамаре-апа, ага!» — и достала из сумки, стоявшей у окна, один конверт.

Я взял письмо и сразу открыл, прочитал.

«Ага, — начиналось письмо, — вы, наверное, уже догадались, кто я, содержание этого письма не должен знать никто, кроме вас. Отправляю через надежного человека. Вам завтра нужно под каким-нибудь предлогом зайти к вашему знакомому Жарасу в областной администрации. Дайте ему в руки одну бумагу и заберите обратно. Мне нужен только отпечаток его руки. Потом ту бумагу аккуратно положите в файл-папку и сразу позвоните по этому номеру телефона. Пришедшему парню отдадите ту файл-папку. Спасибо, ага! Увидимся в здравии! Пусть все это пока остается в тайне. При встрече все вам объясню. Нуржан».

Я записал номер телефона и бросил письмо в пепельницу, скомкав. Поджег зажигалкой. Бумага сгорела.

Тамара и Гуля сидели молча. Потом я сказал:

— Тамара, те деньги через пару дней принесу. «Счет дружбу не портит» говорят. Спасибо, что выручила, когда нужно было.

— Да брось, разве это разговор, ты лучше расскажи, как ты, мы с тех пор как ты пришел, толком поговорить не можем. Мы же молчали, ждали, пока ты то письмо прочитаешь, Нуржан просто так людей не беспокоит. Если побеспокоил, значит, на то есть серьезная причина. Давай,

Гуля, «Чем тысяча „вы-канье“, лучше одно „ты-канье“», как хозяйка этого стола, поухаживай теперь немного за нами, налей вон из того, — указала Тамара на бутылки.

После двух-трех тостов женщины раскраснелись, кровь прилила к лицам, заалели. Я тоже разомлел, впал в какое-то блаженное состояние. Дневные «новости» и суета повседневной жизни тоже утомили!

— Как ваши дела? — задал я общий вопрос обеим спустя время. — Что скажете про ребенка, а ты, Гуля, чем занимаешься?

— Спасибо, замандас (ровестник), что спросил про сына. Ребенок же — плоть от плоти, даже если змея, мать хочет, чтобы он шевелился, живой был. Все по-старому, сбежал из лечебницы. Прибился к таким же, как он, бродяжничает, мне сообщили. Нашли, снова положили в прежнюю лечебницу. Печень совсем отказывает. Живу в ожидании дурной вести, — Тамара заплакала. — А Гуля помогает мне по хозяйству в кафе. Она тоже не подарок, деревенская девчонка. Иногда берет, иногда ее берут. Но мне в ней нравится одно качество — не врет. Учиться не хочет. Но тебя она слушается. Может, наедине поговоришь. Вообще-то ей учиться надо, смышленая девчонка. Если и тебя не послушает, тогда так и будет болтаться. Что делать! Ей и идти-то некуда. Пусть время пройдет, забудет немного пережитое, мне она совсем не в тягость. Мы уже прикипели друг к другу.

Теперь слово взяла Гуля:

— С тех пор как я освободилась оттуда, прошло уже немало времени. Понемногу прихожу в себя. Теперь думаю об одном-двух делах, касающихся себя. Хотела сказать, раз случай подвернулся. Первое — я хочу пару месяцев походить на секцию какого-нибудь восточного единоборства, тхэквондо или джиу-джитсу. Потом хочу поступить в медицинский колледж здесь. Думаю, поможет ли Тамара-апа осуществить эти мечты или нет.

Я посмотрел на Тамару. Она:

— Знания человеку нужны, у меня в свое время ни условий, ни времени не было учиться. Не знаю, она мне хоть и не родная, но дороже родной кажется. Она тоже не остается в долгу. Хозяйство раскрутила. Через год-два из девчонки выйдет отличный администратор. На днях тут парни пьяные драку устроили, так она меня от смерти спасла. Как она бросилась на здоровенного мужика как тигрица, я ахнула. У того парня хмель сразу выветрился, он тут же начал перед нами извиняться! Потом мы заставили их оплатить разбитую посуду и полицию не вызывали. А то он меня бутылкой хотел ударить и свалить.

— А вон те громилы с кулачищами у дверей что, просто так стоят? — вмешался я в разговор. — Почему они в таких случаях не следят за порядком?

— Все произошло в один миг! Пока они добежали, мы сами троих парней уже уложили! — сказала Гуля.

— Да, она совершила подвиг. После того случая мой шеф-повар, который иногда и меня не слушал, задания выполнял через раз, при виде Гули впадает в состояние транса, у которого забрали джина. — Тамара, вполне довольная, залилась смехом.

— Тогда увольте тех верзил у дверей, зря деньги тратите, Тамара-апа!

— Нет-нет! Без них нельзя, некоторые, кто приходит в кафе искать драки, уже от одного их вида, как у алабаев, теряют спесь. Только теперь мы с кафешными разборками связываться не должны! Договорились? — Тамара, глядя на Гулю, затряслась от смеха всем своим тучным телом.

— Ну, с Гулей теперь все понятно, — сказал я, немного подумав. — Но она ушла из дома уже больше двух лет назад. Бедные отец-мать как живут. Вы об этом подумали?

После недолгого молчания Гуля начала всхлипывать.

Я продолжил, подводя итог:

— Я говорю о сути. Потому что этот вопрос рано или поздно всплывет. Старики могут и в полицию заявить. Тогда разговор примет другой оборот, может разойтись по всему народу. Этого надо избежать, — сказал я.

— И что мы должны делать? — Тамара тоже начала нервничать. — Еще и на передачу «Жди меня» могут через кого-нибудь подать! Дети же заставляют человека на все пойти. Тогда опозоримся на всю страну. А журналисты эту историю раздуют, кто даст гарантию. Они же ищут такие запутанные жизненные перипетии!

— Ага говорит правильно, я же тоже досрочно освободилась. В следующем месяце пойду паспорт получать. Тогда у меня спросят, где я прописана. Еще и справку с места прописки потребуют. Что мне делать? — Гуля схватилась за голову и села.

— Как бы то ни было, Гуля должна съездить домой, показаться отцу-матери. Иначе никак нельзя. Тогда все прояснится. Старикам надо как-то объяснить, пусть не все, но хоть часть правды. Нужен человек, который скажет так, чтобы они эту историю не разнесли по людям. Похоже, Тамара, нам с вами придется ехать туда. Кто знает, чем обернется это наше намерение! Туда надо ехать под вечер, незаметно. Родители же, думаю, к нашему разговору прислушаются.

Только после этого Гуля сможет ходить, ничего не боясь, с поднятой головой. А что касается документов, выписаться сейчас совсем легко. Идете в ЦОН, выписываетесь оттуда и тут же прописываетесь в этом городе. Но прописать ты должна к себе домой, потому что в таких случаях нужно согласие владельца дома, — сказал я уже совсем раздраженно.

— Да ладно, прописка — это что, проблема, решим! Но мне нравится твоя мысль, что к родителям Гули надо ехать втроем. Давай не будем тянуть с этим вопросом и решим в ближайшие выходные, вы как на это смотрите?

Я выразил полное согласие с этим доводом.

— Потом, — сказал я, подумав и глядя на Гулю, — со своей детской мечтой стать врачом тебе придется попрощаться. Объясню почему. У этой жизни свои законы, она не подстраивается под твои капризы. Ты сама это уже немного прошла. Сегодня давно настало время денежных. Знаю, планы у тебя, может, и есть, но сейчас нет желания, которое не исполнилось бы, если карман толстый. Поэтому тебе надо учиться заочно и получить профессию экономиста или бухгалтера. Это мой тебе совет. И в «бухгалтерию» этой апы начинай вникать уже сейчас. Апа, наверное, не будет против?

В последнее время ты еще скажешь мне спасибо за то, что освоила эту специальность. Сейчас не отвечай. До следующих выходных у тебя есть время подумать. Думаю, Тамара-апа тоже поддержит мои слова!

Продолжать застолье ни у кого больше желания не было. Тамара, попрощавшись с нами, ушла домой.

Было около трех часов ночи. Я направился с Гулей в спальню. Вижу, девушка чего-то стесняется, шарахается от меня. Но все же, кое-как уговорив, через время мы вдвоем бросились в реку любви. Гуля уже не та, что в тюрьме, сегодня она похорошела, созрела. В моих объятиях бьется как сазан, попавший в сеть. Включает все возможности для получения удовольствия, двигается упоенно. Иногда она, иногда я, утопая в наслаждении, идем на непроизвольные движения, часто слышны стоны-вздохи. Нам сейчас не до этого.

К рассвету мы оба, обессилев, упали на подушки.

В течение недели я съездил к другу Жарасу в администрацию, выполнил «поручение» Нуржана, передал файл-папку указанному парню.

«Тройня и единоличный батыр»

(Седьмой рассказ Олжабая)

В пятницу на такси я затемно добрался до дома Актоты. Пошарил, открыл дверь и вошел — на кухне бабы, засучив рукава, лепят манты. По глазам видно — веселые. Увидев меня, обе расхохотались. Девочек не видать.

— Чего крадешься, как вор-кошак, озираешься по ночам? — «Байбише» по привычке начала подкалывать.

Я тоже не остался в долгу:

— Ого, я смотрю, к сегодняшней битве подготовка серьезная? Эй, чья очередь первая, айда в спальню, — и потащил стоявшую ближе к двери «Токал».

— Это никуда не убежит, Олжеке, все твои орудий при тебе же, лучше иди сюда, тут дело есть, посоветоваться надо, — Маржан перестала смеяться и посмотрела на меня как-то тревожно.

— Ну, что стряслось, вам же еще рожать рано?

— Новость у нас и радостная, и сердце щемящая — мы позавчера на платном УЗИ были…

Баба замялась.

— Да говори уже, душу не тяни? — Я уже всерьез начал злиться. — Вы, что ли, опять какую-то провокацию против меня замышляете? «Баба — беда, собака — опора» — это про такие случаи говорят!

— Кроме твоей жены, от нас ты беды не увидишь, это раз, а во-вторых, мы готовы быть твоими рабынями всю жизнь. Теперь слушай главное: на проверке сказали — я ношу тройню, двое мальчиков, одна девочка, а Актоты Бог сына подарил.

— На все воля Аллаха, и чего вы из-за этого голову морочите, нервы треплете…

Сказать-то сказал, а сам подумал: «Э, мир, похоже, еще покажет нам». Но отступать от своего напора не стал:

— Дома у вас рядом, будете друг другу помогать, потом тройне государство бесплатных нянек назначит. Ну, в общем, пусть будет к добру! Всем крепкого здоровья. Так что, я теперь трижды «Отец с Золотой подвес кой» получаюсь? Пока многие бородатые аксакалы и черно-бородые на каждом собрании голову ломают, как узаконить многоженство, я, похоже, эту проблему давно решил и пятилетку за год перевыполнил, а?

— Да брось ты, Актоты, на него управы нет. Давай мы его от той тощей жены отобьем и к нашим порогам привяжем! Тогда узнает, каково это — рожать и растить троих зараз!

— В моем роду не то что тройни, даже двойни не было, в твоем тоже. Тут ничего не остается, кроме как смотреть на это как на дар природы, Аллаха.

— Оно-то так, Олжеке, но у меня сердце с той новости не на месте, тревожно, страшно как-то…

— Все увидим в свое время! Теперь в уныние впадать не надо. Вредно для здоровья. Ну, а Майра с Гульжанат где?

— Где им быть, дома сидят. Тут новый детский мультик по телику начался, «Пока дойдем — кончится», обе заупрямились, со мной не пошли. А теперь, наверное, темноты боятся, сидят, глазами хлопают. Сходи, приведи их! А мы пока на чай стол подготовим. Да и с делами нашими вот-вот закончим, — «Байбише» указала на готовые манты.

Взяв у Маржан ключ от ее дома, я вышел на улицу. Еще не отойдя от услышанных новостей, вытирая выступивший на лбу пот платком, направился к дому, где живут Маржан. Стараясь не попадаться на глаза людям, шел дворами, по темным закоулкам.

«Ну, Олжеке, чем же это все закончится», говорю сам себе, «Если тройня родится здоровая, с остальным Аллах поможет. О том, чтобы дать им свою фамилию, и заикаться не надо. Потому что тройне обязательно городской акимат из казны квартиру даст. Такую новость все СМИ одно за другим подхватят, наперегонки писать будут. А уж жене моей Куляш об этом и говорить нельзя, не то что людям. Фамилию потом можно будет решить. Да ну его все…» Махнул рукой и зашел в дом к Маржан.

Открыл дверь Маржан, вошел — девочки с криком «Ура!» бросились мне на шею.

— Мороженое, мороженое! — первые слова, вылетевшие изо рта Майры. Матери, видать, позвонили им, сказали «Папа к вам идет», девочки, похоже, ждали меня с нетерпением.

Выйдя на улицу, они тянут меня за обе руки, не дают опомниться, тащат в темноте, спотыкаясь. Поневоле свернули к кафе Тамары.

Стоящие у двери здоровенные парни, увидев меня, засуетились. Мы втроем сели за один из крайних столиков, только устроились, как я заметил, что Тамара издали машет мне, зовет к себе. Заказал подошедшей официантке мороженое, напитки и, открыв дверь, куда вошла Тамара, зашел внутрь.

— Мы же на завтра договаривались?! — идущей навстречу Тамаре я, улыбаясь:

— Мы сегодня за мороженым зашли, — сказал после приветствия.

— В семь вечера? Хотя детей понять трудно порой. Благодаря этим девочкам, чувствую нутром, мое кафе спаслось от полного краха. Ты бы познакомил меня с ними, пусть приходят в любое время, едят у нас мороженое!

— Как бы чего не вышло, лучше детей к такому не приучать. Нет-нет, я это твое предложение принять не могу. Они с малолетства привыкнут к попрошайничеству, к халяве. Деньги, копейка без труда не приходят, бесплатное добром не кончается — это они, хоть и дети, должны всегда помнить и знать.

— Отец, наверное, так и воспитывает. Был бы у моего сына отец, разве вырос бы он шалопаем, что делать?! Ладно тогда, но давай скажем вон той буфетчице, пусть, когда эти две девочки придут, дает им мороженое. А деньги ты сам будешь заносить, когда заглянешь?

— Не отстали же, ну пусть будет так. А какие новости?

— Какие новости, Гуля последние дни есть перестала, только вздыхает. Мучается же, бедная девочка. Завтрашняя встреча с отцом-матерью ей тяжело дается.

— Скажите ей, один день пройдет. Потом будет свободно дышать, ходить с поднятой головой. Кому понять, какая гора свалилась на ее детскую голову, кроме нас двоих, Тамара-апа?

— Оно-то так, но она же еще ребенок. Кто не испытал, откуда знать. Я же сама когда-то, обманувшись, попав в лапы к кому-то, чуть уксус не выпила, — Тамара потянула носом, всхлипнула.

Я сказал, что завтра к пяти буду в кафе, и направился к двери.

Вернувшись в зал, увидел, что дочки, наевшись мороженого до отвала, уже принялись за напитки. Подвел их, познакомил с буфетчицей и передал поручение Тамары. Та молча кивнула.

— Теперь, если захотите мороженого, приходите к ней. Но не каждый день, а раз в три дня, поняли? Если горло заболит, матери нам всем взбучку устроят.

Девочки обрадовались: «Класс! Папа, спасибо!» — захлопали в ладоши. Когда вышли на улицу, Гульжанат:

— Вот видишь, Майра, папа нас обеих очень любит. Помнишь, ты на днях плакала, говорила «Он тебя любит больше, чем меня»? А я тогда обиделась и два дня с тобой не разговаривала? Папа, скажи, ты нас одинаково любишь, да?

— Да, да, обеих люблю больше жизни. Только мамам не говорите, что едите мороженое в кафе. Хорошо?

«Но разве в доме с детьми тайны утаишь, в конце концов проболтаются же, похвастаются. Да ладно, будь что будет. Эх, моя простодушная, наивная дочка! Все дети милые, пока маленькие, а когда вырастут, их уже по поступкам, по характеру судят, откуда тебе это знать. Ладно, лишь бы вы были здоровы, остальное увидим».

Бабы, накрыв стол, с тревогой ждали нас. «Байбише»:

— Эй, где вы втроем пропали? — начала было она, но я:

— Тьфу ты, язык надо попридержать в вашем положении. «Пропали» — что за слово, я же вам на днях говорил, думайте только о хорошем, говорите только хорошее, чтобы я больше не слышал, как вы так выражаетесь! Что это у вас за воспитание? У меня вон какие девочки есть, сами умные, сами послушные, и в школе учатся на отлично, — обнял девочек, с умилением.

— Вы нас совсем засмущали, — покраснев, Актоты прикрыла лицо.

— Чего теперь стесняться, когда кочергой кашу хлебала и пузо наела! — Маржан безжалостно отшила соперницу.

— У меня-то улов один, не то что у вас — трое. И то, что из миски пролилось, вы, как видно, тоже даром не теряете, — та тоже колет Маржан языком.

— Эй, эй, остановитесь! Что на вас нашло, хоть девочек постыдились бы?

— Ой, Олжеке, мы же с ней за одну палку держимся, поэтому в последнее время так друг друга подкалываем. Так и настроение себе поднимаем, часто хохочем. Не обращайте внимания. Вообще-то сейчас умнее и дружнее нас двоих людей нет. Раньше деньги, что получали, до конца месяца не дотягивали, друг у друга занимали, маялись. С тех пор как с вами встретились, иголку с ниткой не теряем. Даже на черный день кое-что скопили.

— Теперь понятно, почему святой человек поддерживал четверых жен. Мне, похоже, пора начинать поиски четвертой жены. Но она должна быть не такая, как вы, за тридцать, а только-только двадцатилетняя. Только когда будет четыре — все встанет на свои места.

— Пшту! Почему сразу не шестерых. Смотри, как бы завтра на все четыре стороны не пришлось идти.

Актоты аж завизжала от смеха, потом, спустя время, из глаз слезы потекли, икнула. Подавившуюся-кашляющую бабу Маржан хлопала по спине.

— Бедняжка, раньше времени родишь, если так смеяться будешь!

Я тоже невольно усмехнулся:

— Сидите-сидите, расскажу вам, как появилось четвероженство в Исламе. Несите-ка горло промочить, сегодняшнюю радостную весть обмыть надо?

— Ну, этот сейчас начнет! Тоты, я манты ставлю, а ты Олжеке, коньяк, оттопырив мизинчик, со звоном налей!

Когда на стол подали еду, пожелав «Тройне» и «Единому батыру» всего хорошего, под действием «Огненной воды», налитой рукой «Токал», я начал свой рассказ.

— Во времена святого человека жил один бедняк, — начал я историю. — Были у него жена, один ребенок. С утра до ночи гнул спину, а из нищеты выбраться не мог. Однажды, измученный бедностью, потеряв терпение, пошел он к святому человеку, чья слава гремела по миру, за советом. И сказал так…

— Папа, папа! А Единый батыр и трое — это кто, сказка, что ли, которую вы рассказываете, мы не поняли? И Гульжанат тоже не поняла.

— Девочки, я же вас только что хвалил до небес. Правда? Сказал, что вы послушные девочки, помните? Раз так, причину, почему вы не хотите есть, мы втроем хорошо знаем. Поэтому не надо вам с малых лет привыкать слушать разговоры взрослых. Идите в ту комнату, поиграйте, мои умные девочки, а я мамам объясню, и слово папы не пропадет даром, могу уже сейчас им это гарантировать, да?

Не совсем поняв мои взрослые иносказания, они нехотя встали и ушли в другую комнату.

— Гульжанат не знаю, а Майра с тех пор, как вы появились в нашей жизни, совсем изменилась. Повзрослела рано, можно сказать. Раньше не доставала, спрашивая про папу. Вас очень любит. Стоит сказать «Папе скажу» — сразу сникает. Если четверку из школы принесет — плачет. «Все на пятерки буду учиться» — убивается. Игры забросила. Даже похудела, думая об учебе. — Актоты улыбнулась, глядя на меня.

— А Гульжанат в классе в число отличников вошла. Учительница мне так сказала, на прошлом родительском собрании. — Маржан тоже не отстает, хвалит дочь.

— Это закономерно, они взрослеют. Знаете, почему дети евреев умные? Если не знаете, скажу. Их отцы-матери детям до семи лет не говорят, как мы, прикрикивая. На все их вопросы отвечают на уровне, понятном им. А после двенадцати лет разговаривают с ними как со взрослыми, посвящают их во все семейные проблемы.

— Ойбай, Олжеке! Так что, я Гульжанат теперь должна говорить, что тройню в капусте нашла! Брось, эти твои слова к нашей ситуации не подходят. Откуда Единый батыр взялся!

— Известно откуда!

— Вот и весь твой талант в воспитании детей. Эй, Актоты, налей-ка ему! Пусть продолжает свой рассказ. Сначала я сама тост скажу, — «Байбише» налила себе стакан приготовленного ими напитка-компота.

— Олжеке, Актоты, дело такое! Как сказал наш общий джигит, Всевышний послал нам дар. Давайте будем счастливы, что ждем, когда этот дар явится на свет. Давайте желать только, чтобы они родились здоровыми. Кто что ни говорит, ко всему привыкли. Давайте держать настроение бодрым, Актоты, особенно тебе говорю, отныне будем желать здоровья девочкам, будем молиться за четверых!

— Вот это тост настоящей Байбише. Ну, поехали!

Я продолжил рассказ:

…Я был вашим земляком-бедняком, уповающим только на Бога. Слава Аллаху, руки-ноги целы, разум в порядке. Молюсь пять раз в день, поклоняюсь Всевышнему. Семейный, один ребенок есть. Но что зарабатываю — не хватает, живем впроголодь. Сытый желудок — тоже великое дело, особенно когда ребенок просит хлеба, места себе не нахожу. Пришел к вам, не подскажете ли, как хоть немного улучшить жизнь, — сказав, бедняк встал и поклонился святому.

Святой, не перебивая, выслушал его и посоветовал взять еще одну жену, дал денег на калым за вторую жену и проводил.

Бедняк на те деньги женился во второй раз. Но после этого положение бедняка не только не улучшилось, а стало еще хуже. Две жены с двух сторон ели ему мозг, дошло до того, что однажды он чуть из дома не сбежал. Поневоле он вынужден был снова идти к святому.

Выслушав его, святой позвал слуг и дал ему еще столько богатства, сколько нужно на калым за третью жену.

Третья жена тоже спелась с двумя остальными и теперь уже она тоже стала его ругать, поносить. Так дни и шли. Не выдержав, бедняк снова вынужден был идти к тому святому.

— Я, — сказал бедняк на этот раз, — перестал чувствовать свет дня, тьму ночи. С утра до ночи думаю, как заработать денег, как прокормить ораву, что смотрит мне в рот. Если так продолжится, однажды я точно умру от натуги. О святой, понимающий этот бренный мир лучше других, помоги мне еще раз, дай совет, — сказал.

Святой и на этот раз, не перебивая, внимательно выслушал его слова и:

— Теперь женись на девушке, которая намного моложе остальных твоих жен. Справа от твоего дома живет ученый старик, у него есть единственная дочь лет 14—15. От моего имени посватай ту девушку. Я подтвержу свое слово, передам весть отцу девушки, а половину данного мной богатства отдашь отцу девушки в качестве калыма. А оставшееся потратишь по уму младшей жены, разговор окончен, — сказал и провел ладонями по лицу.

Выйдя наружу, он увидел, как и говорил святой, у дверей его ждут десять верблюдов, груженных утварью-приданым. Привезя это богатство домой, ничего не растеряв, он запер его под замок, ключ положил в карман и через пару дней отправил трех-четырех соседей свататься к дочери ученого.

Не веря, что дело решится, переступившие порог соседи были приняты отцом девушки с большим почетом, одарены подарками. Отец девушки быстро дал согласие на сватовство, был назначен день свадьбы.

Сыграв скромную свадьбу, бедняк получил одобрение соседей.

Так прошло три-четыре года. Не получая давно вестей от бедняка, тот святой человек однажды сам пришел к нему домой.

Встретив святого с почтением, бедняк зарезал барана, пригласил в гости и соседей. После того как поели, прочитали бата-благодарение богу, святой посмотрел в лицо бедняку и поблагодарил за угощение. Тогда бывший бедняк встал, вежливо поклонился святому и:

— Когда я приходил к вам и в первый, и во второй раз, я ничего не понял, господин! Теперь я признал, насколько безгранична ваша мудрость. Я и сам в эти дни думал к вам идти. Но не мог найти предлога. Очень хорошо, что вы пришли. Теперь скажу, вы мне два раза давали возможность заняться торговлей, улучшить жизнь. Но я не понял. Видимо, и Всевышний знал, что торговля у меня не пойдет, я к этому шагу не пошел.

После четвертой женитьбы самая младшая жена, дочь ученого, однажды сказала мне некоторые свои мысли. Долго думая, я пришел к одному решению. И вот однажды, собрав жен, я сказал им:

— Эй, Жамал, ты моя первая жена! Плод молодости мы с тобой первые сорвали, насытились. Сына и дочь ты родила, со мной все тяготы жизни терпишь, выносишь. Поэтому ты с сегодняшнего дня в этом доме после меня — главная фигура. Всю власть берешь в свои руки. И деньги, и имущество переходят в твое ведение. Остальные жены после меня будут подчиняться только тебе. Кто какую одежду носит, у кого какие запросы — пусть приходят, говорят тебе, все будешь решать ты. И вопросы еды -казан тоже в твоих руках. Чтобы я больше не слышал «того нет, этого нет»!

Вторая жена моя Зейнеп! Ты дочь из большой, воспитанной семьи. Лучше всех нас знаешь, как и скот пасти, и детей растить. С сегодняшнего дня нанимаешь людей присматривать за верблюдами, овцами-коровами, лошадьми, и будешь руководить воспитателями-няньками всех моих детей. Только очень сложные вещи будешь решать, советуясь со мной. Все вопросы домашнего хозяйства имеешь право решать самостоятельно!

А третья жена моя Зухра, теперь ты меня слушай! Ты была одной из трех дочерей покойного купца Махмуда, да упокоится его душа в раю. К торговле, к тому, как из копейки сделать рубль знаешь, у тебя торговая хватка лучше, чем у остальных. Поэтому половина всех денег в доме с сегодняшнего дня — твоя. Будешь заниматься предпринимательством, запас продуктов в кладовой тоже зависит от тебя.

Только последнее скажу, вот эта младшая моя жена — Фатима. Ее отец Мансур — человек ученый. К нам двоим никто не должен входить без разрешения.

Вот после такого разговора жены закатали рукава и взялись за дело. Половину ваших денег, оставшихся от калыма, я разделил двум женам поровну. Одна часть пошла на торговлю, вторая — на хозяйство.

Прекратились и прежние ссоры между женами, и дрязги между детьми. Так через три-четыре месяца дело наше пошло в гору. И еды-питья вдоволь, и одежда-обувь всем нашлась. И скот, и дети ухожены. Наступило время, когда и еда есть, и одежда есть. Все это стало возможным сначала благодаря Всевышнему, потом благодаря вам, я перед Богом ваш должник, — закончил свою речь вчерашний бедняк.

Внимательно слушавшие рассказ две женщины одновременно пришли в себя, зашевелились.

— Ойбай, ваш рассказ покруче турецких сериалов будет. Так ты, значит, думаешь и нас с Актоты той плохой, тощей жене разрешишь палкой гонять? Но этого не будет, — взвилась Маржан.

— Эй, эй, стой, никто так делать не собирается. Если так случится, не забывай, что ты первая Байбише. А где потом четвертая молодая жена? Не поднимай бурю на пустом месте, поняла? Пей вон свой компот, а мне, Актоты, налей вон из бутылки, да сама тост скажи!

— Маржан-апа просто кокетничает, потому что она скоро по числу детей всех нас обгонит и выйдет на первое место. Вот и капризничает, наверное. — «Токал» отмыла слова соперницы.

— Завтра многое решится. Мы сейчас в ситуации, когда испытывается наше будущее. Поэтому, Маржан, давайте будем максимально терпеливы. Будем желать здоровья себе, благополучия детям, что родятся.

В ту ночь я ночевал в доме токал, а утром ушел на работу.

Отцовское проклятие

(Восьмой рассказ Олжабая)

К пяти часам я приехал в кафе Тамары. Как стемнело, мы втроем выехали в аул Гули. На заднем сиденье Тамара и Гуля молчат. Я изредка пытаюсь их разговорить. Но вижу — ни у девушки, ни у Тамары охоты говорить нет.

Через два с половиной часа показался и аул, свататься мы ехали. Еду по аулу, свататься указывает девушка.

— Ага, ага, остановите машину! Тут дом одной моей подруги впереди, может, заедем по пути, узнаем обстановку?

— Гуля, — сказал я, обернувшись назад, — в этом деле лишних людей вмешивать не надо. Завтра разговоры пойдут. Даже если отец с матерью вас в дом не пустят, ты просто покажись им, что жива-здорова, и выйдешь. Потом они через какое-то время одумаются, поразмыслят. Телефон свой запиши на бумажке уже сейчас. Отдашь матери, или кому-то из братишек-сестренок. Так ведь, Тамара?

— Ага твой правильно говорит. Подруга, сколько ни говори, бабье племя, завтра же разнесет новость по аулу, — поддержала Тамара.

Подъехали к дому Гули. Девушку оставили в машине, а мы с Тамарой открыли калитку и вошли внутрь. Домик бедноватый, 4—5 комнат. Женщина средних лет постелила нам одеяла. Сев и устроившись, из другой комнаты вышел мужчина и поздоровался с нами. После расспросов о здоровье я обратился к мужчине:

— Мы приехали сообщить весть о вашей пропавшей дочери, — сказал я.

Отец тут же поднял голову, уставился на меня недобрыми глазами. Мать запричитала в голос.

— Жива или мертва?! — Голос отца прозвучал жестко. — А вы кто такие?

— Жива, — вмешалась в разговор Тамара. — Но у девочки случилась беда, попала в тюрьму, недавно освободилась. Мы вот с этим человеком проявили участие, помогли ей в свое время.

— Ну, а дальше что, она даже весточку через кого-нибудь не могла передать? Мать ее вон, выплакала все глаза, мы все извелись. Заявление подавать стыдились, людям сказали, что учится…

— «У дитя душа зеленая от нехватки ума» говорят, агасы, попали мы в такое время, когда дети об отце-матери не думают. Испугалась, наверное, с одной стороны и вас тоже. Вообще-то девочка неплохая. Добродушная. Это ее качество и губит. Теперь все позади. Сейчас работает, учиться хочет. Ей-богу, хочет учиться, человеком стать. А мой сын, которому двадцать пять, ни к чему тяги нет. Два раза женил его. Связался с наркоманами, сейчас лечится. Не помогает лечение таким, сын тает на глазах день ото дня. Вот и хожу в молчаливой тоске…

Тамара расплакалась. Вместе с ней завыла и мать девушки, в доме поднялся гвалт.

— Среди ночи примета плохая. Не плачьте! Услышат вот соседи ваши, прибегут. Лучше подумайте о дальнейшей судьбе вашей дочери. Если скажете «Нет, нам такая дочь больше не нужна», мы уедем обратно. А если думаете иначе — говорите, мы послушаем? — сказал я.

Мать девушки после моих слов тут же перестала плакать. Глядя с опаской на мужа:

— Агасы-ау, скажите же что-нибудь. Первенец моя, старшая из детей, как мы жить будем на свете, если оттолкнем ее? А сама-то где Гулжан? — Я замялся, молча посмотрел на отца.

— Я не хочу видеть ни живой, ни мертвой эту девку. Опозорила меня перед людьми, в землю втоптала. Дал я ей свое отцовское проклятие! Аллаху акбар! Я пошел к Рахманкулу. Завтра вернусь! Во всем ты виновата, судимая — что за ужас, на весь род пятно поставила.

Попадись она мне на глаза — зарежу эту суку! — отец девушки, рыча и бушуя, пнул ногой сидевшую у двери жену и вышел из дома.

Тамара подошла к рыдающей матери девушки, подняла ей голову, помогла сесть прямо.

— Эй, Канат, сбегай-ка сынок, посмотри, отец твой ушел насовсем или нет, узнай быстро!

Подросток вышел из другой комнаты, поздоровался с нами и выбежал на улицу.

Мы все сидим молча. Через некоторое время паренек прибежал:

— Папа прошел дом Муканов, направляется к дому Рахманкулов, — сказал, запыхавшись.

— Ну, тогда ладно. Это же брат моего старика, о котором он говорил. Туда пойдет, и будут они вдвоем пить. Пусть идет, стыдно перед вами, незнакомые люди, а он так себя ведет? Эх, характер у него плохой! И дома все при нем на цыпочках ходят. Но, без вины никого не обижает!

— Ваш муж умный человек, — сказал я. — Иначе, боясь натворить что-нибудь в гневе, ушел подальше успокоиться.

— Да какой там ум. Но, вот эту дочь он как-то по-особенному любил. Все это он от боли в душе говорит. Милая, скажи-ка, Гулжан тоже с вами приехала? — с мольбой посмотрела она на Тамару.

Я вышел на улицу с Канатом и направился к машине. Гуля сидела, закрыв двери изнутри. Я постучал в окно задней двери, и она открыла.

— Гроза прошла. Отец ушел к дяде. Иди поздоровайся с мамой, с детьми, — сказал я.

Она вышла, рыдая обняла братишку Каната и пошла к дому.

Я взял из багажника машины кое-какие узелки-гостинцы, что Гуля приготовила братишкам-сестренкам, и зашел в дом.

Мать и дочь, рыдая, сидят с Тамарой. Увидел, как мать с умилением целует заплаканное лицо Гули. Еле успокоили Гулю, которая, встретившись с младшими, тоже разрыдалась.

Спустя некоторое время, когда Гуля раздала привезенные домашним подарки, я встал:

— Нам теперь нечего рассиживаться, пора в дорогу. Вы, похоже, немного успокоились. Суть дела в том, что вы своими глазами увидели, что дочь ваша жива-здорова. Остальное — увидим. А вот этот новый телефон я дарю Канату. Сим-карта внутри есть. Будете созваниваться, когда соскучитесь, — и протянул мальчику новенький телефон в коробке со всякими прибамбасами.

Мальчик, глазами выражая мне благодарность, робко подошел, взял из моих рук телефон и вертит его, разглядывая.

— Хоть поешьте приготовленной еды, — Мать Гули принесла процеженное из казана мясо. — У отагасы тоже недавно работу сократили, сидит без дела. Потому и злится. А так мы люди гостеприимные, барана бы зарезали, угостили.

Гуля достала из кармана и дала матери много денег.

— Зачем нам деньги даешь, сама в чужом краю намучаешься? — на глазах матери выступили слезы.

— У меня есть работа, заработок тоже неплохой, и дальше деньги буду присылать, — ответила девушка.

Мы быстро собрались и вышли во двор. Гуля, нехотя прощаясь с матерью и родными, тоже села в машину. Мы выехали на обратную дорогу, направились в город.

— Все прошло лучше, чем мы думали. А то что бы мы делали? Вот, ты теперь увидела родных, успокоила душу! Теперь с одной стороны будешь жить без забот, — наставляет девушку Тамара.

— Братья-сестры все выросли, даже повзрослели. Но я увидела в их глазах тяжелую тоску. Все они будто что-то не могут сказать, будто скрывают от меня какой-то разговор! — Гуля снова расплакалась.

— Об этом узнаем потом. Самое главное, ты увидела родное гнездо, показалась отцу-матери, — сказал я.

— Оно-то так, ага, но я должна докопаться до сути. Номер телефона я матери записала. И подруге в ауле письмо оставила. Она обязательно со мной свяжется. После разговора с ней многое прояснится.

То ли дорога утомила, то ли события дня вымотали, через некоторое время те двое сзади засопели и уснули.

Час мести пробил

(Девятый рассказ Олжабая)

Дни шли. Изредка ночую в ауле «Байбише-токал», отдыхаю, конечно, заезжаю и к Гуле с Тамарой, узнаю как дела.

Но иногда на работе так устаю, Маржан с Актоты, да еще и жена дома. Гулю не видел уже месяца полтора-два, как-то в полдень она сама позвонила, попросила приехать. Я сказал, что именно сегодня улетаю в Астану, в командировку и только через три-четыре дня смогу к ним заскочить.

Работу в столице утряс за день-два, сэкономил два дня. Жена Куляш ждет меня только послезавтра. Сойдя с самолета в аэропорту, сел в такси и направился в кафе.

Обе бабы явно не ожидали, что я приеду так скоро, это было видно по их глазам. Но все равно обрадовались. Началась суета по накрытию стола. Я, уставший с дороги, сразу пошел в душ, и когда вышел к столу, там сидел и Нуржан. Он вскочил с места и с большим почтением поздоровался со мной. Застолье затянулось до полуночи, посторонних разговоров не было.

Только Нуржан отвел меня в сторону и, сказав, что моя «Услуга с файл-папкой» в тот раз помогла распутать одно крупное государственное дело, поблагодарил меня. Мой давний друг Жарас, оказывается, неопровержимыми уликами был изобличен как активный член областной организованной преступной группы. Более того, на их совести оказалась кровь нескольких невинных людей. В результате этого дела Нуржану повысили звание, и должность его тоже поднялась на ступень.

После того как Нуржан и Тамара ушли домой, мы с Гулей остались одни. Я, взяв посуду с выпивкой и сладкими соками, направился в спальню. Через некоторое время туда пришла и Гуля, и снова начались наши сладостные мгновения.

Девушка еще больше пополнела, превратилась в настоящую писаную красавицу с телом жеребенка. Ее выходки в постели хоть и смутили меня, но, подчинившись ее воле, мы вдвоем еще долго парили в океане наслаждения. Как бы то ни было, ее «приемы», возбуждающие мужчину, пришлись мне по душе.

Мы оба, совершенно обессилев, на время замерли. Только через некоторое время я услышал слабый голос Гули:

— Ага, давай попьем воды, — донесся до моего засыпающего уха ее слабый голос.

Я с трудом перевернулся с места, где лежал пластом. Нет сил даже голову поднять. Но все же, пересилив себя, встал и сел. Заслонившись от света лампы, Гуля тоже поднялась.

Мы подошли к тумбочке у изголовья. Налили в посуду выпивки, холодного фруктового сока. Оба выпили залпом, поморщились и поставили посуду вниз. Тут же запили горький вкус выпивки фруктовым соком.

— Ой, агай, давай еще по одной! А потом я тебе расскажу одну классную историю. Об этом случае, который я хочу тебе рассказать, даже Тамара-апа еще не слышала.

Сон у меня как рукой сняло. Тут же налили в посуду. Чокнулись, опрокинули.

— После того как я тогда съездила с вами домой, я созванивалась и с мамой, и с той подругой в ауле. Тот богач Малик, который хотел меня взять в жены, после того как я исчезла, через некоторое время пригнал из нашего двора корову с теленком и 5—6 овец-коз. Объяснил отцу, что это в счет той помощи, что он оказывал нашему дому. Папа ничего не смог сказать. А мама намучилась без коровы и молока. Она несколько раз ходила к Малику просить корову, но он ее не подпустил.

Однажды я взяла с собой троих-четверых свободных охранников Тамары-апы и на двух машинах поехала, сама встретилась с Маликом.

Он, что ли, струсил моих парней, в общем, не смог мне перечить. Так и пригнала корову с теленком, и еще пять-шесть овец-коз. Малику «чтобы с нашим домом дел не имел» объяснила взглядом и вернулась в город.

После того как решила это дело, одного толкового охранника отпустила на 6—7 дней и поставила следить за тем Такеном. Он и в аул ездил, собрал кое-какие сведения о Такене, короче, выяснил все места, куда тот ходит, и сообщил мне. В один из таких дней он передал весть, что Такен приехал в город в ту самую квартиру, где меня он унижал. Мы как и договаривались, он с помощью хлороформа привел Такена в бессознательное состояние и сообщил мне. Я, надев резиновые перчатки, повязав платок на глаза, приехала в ту самую квартиру.

Толкнула дверь — открылась. Вошла внутрь. Мой мучитель лежал на полу на спине без сознания. Не теряя времени, я стащила с него штаны вместе с трусами, достала из сумочки заранее положенный один кирпич, положила на его болтающиеся яйца и со всей силы стала давить правой ногой. Раздался стон, вой этого мерзавца. Я все равно не остановилась, стала давить на кирпич еще сильнее. Такен спустя некоторое время открыл глаза, вытаращился на меня и застыл. Потом «Гулжан!» — узнав меня, заорал истошно и потерял сознание.

Я подняла кирпич и положила обратно в сумку. Увидела его налитые кровью, раздувшиеся как пузырь яички. Быстро направилась к двери. На обратном пути никого не встретив, вышла наружу. Через соседние дворы вышла на улицу, поймала такси.

Я, услышав этот рассказ, оцепенел. Дрожащие руки что-то искали, шарили. Только когда пальцы коснулись бутылки, пришел в себя.

— Спустя некоторое время я созвонилась с подругой в ауле, — продолжила Гуля свой рассказ. — Она между делом сказала, что тот Такен сошел с ума, он «Гулжан, Гулжан!» кричит, ходит по улице без штанов, его хозяйство болтается, и он его обеими руками держит и орет. Вскоре родственники сдали его в районную психушку. «Кто такая Гулжан?» — спросила я, она сказала, что так зовут его родную сестру.

Мне невольно вспомнилась встреча с Гулей в тюрьме. Тогда она сказала «Я Такену все равно отомщу», и то, что она это исполнила, с одной стороны, меня восхитило, с другой — я начал опасаться Гули.

Я до утра провел без сна, а Гуля рядом спокойно посапывала, спала.

Четверо полный комплект

(Десятый рассказ Олжабая)

С приходом весны «Байбише» и «Токал» с разницей в три-четыре дня одна за другой родили. Через дней десять после того, как они вышли из роддома, я поздним вечером зашел в дом к «Байбише».

Навстречу вышла моя Гулжанат с криком «Папа»! В доме ходила какая-то пожилая женщина, с ней я поздоровался, шевеля губами.

Хоть я и договорился заранее, что не буду забирать ее из роддома, все равно «Байбише» встретила меня с хмурым лицом.

Детей уложили рядком. Два мальчика, одна девочка. Сказав «Пусть растут здоровыми»!, вручил «Байбише» деньги.

— Роды были тяжелые, — сказала Маржан спустя некоторое время. — Брат Турар с женой были здесь. За Гулжанат они присматривали. Сейчас же время такое, в роддоме все на руки смотрят. Врачу, что вела меня, перед схватками сунула 200 долларов. После этого она от меня не отходила день и ночь. Первая девочка родилась. Как родился второй, помню смутно, а на третьем я отключилась, акушеры через некоторое время похлопали по щекам, привели в чувство. Каждый весом около двух кило. Тройняшки же маленькими рождаются, говорят. Слава богу, пока здоровы. Вот, Олжеке, такая у нас история.

Брата с женой я позвала, когда срок подошел. Они, глядя на меня с опаской, ничего не говорили. Я же не девушка, сама рожу, сама выращу, дала понять вскользь, после этого они тоже лишнего не спрашивали.

Кстати, Олжеке, я чуть не забыла, перед тобой приходили женщины с моей работы. Принесли полагающиеся мне деньги за рождение ребенка. Ей-богу, и тебе же полагается, я и тебе немного денег дам! Не пропадать же добру, мы от тебя помощь видели, на, возьми, — и принесла из спальни пачку денег. Я стал отказываться:

— На работе свидетельства детей спрашивают. И еще что-то есть, дадут. Вон те деньги дали по копии справки из роддома. Хоть эти деньги возьми, купи нам три колыбель, казахи же, по обычаю туда кладем, потом имена дадим, свидетельства получим, на четвертый колыбель деньги сам как-нибудь найдешь потихоньку! — с издевкой улыбнувшись, сама сунула деньги мне в карман.

— Кстати, газеты тоже про меня немного написали, — продолжила свой рассказ Маржан. — Наше с пятерыми фото вышло в областной газете. Позавчера из городского акимата позвонила одна женщина. «Принесите документы заранее. Отправим в область, в Астану, стараемся вам четырехкомнатную квартиру дать» говорит. Этот дом, говорит, в казну сдадите. Так ли это, обдумать пока времени не было. Ты же есть, посоветуемся. С Актоты тоже говорим. У них дела хорошо. Ты, наверное, еще не был у них. Ждет тебя!

Это она сказала, обрадовавшись, что я, сломя голову, пришел сначала сюда. А то какая женщина захочет делить своего мужчину с другой!

— А потом, вот эта женщина из соседнего государства сюда деньги зарабатывать приехала, человек близкий к казахам, пусть мне помогает, сказали те самые женщины с работы, привели, познакомили. Будет с нами жить. Из поликлиники тоже медсестру прикрепили. Через день навещает. Одной мне, наверное, тяжеловато будет…

— Молочные заводы хорошо работают? — подколол я ее по-старому.

— Иди ты! Завод еще какой! Пока молока хватает. Что, другую бабу привести хочешь кормить?

— У нас этого добра хватает…

Радости Гулжанат нет предела, подошла ко мне:

— Папа, а как мы их назовем, мама говорит, папа придет сам назовет!? Скажи, как назовем? — сказала.

— У тебя трое младших родилось сразу. Ты стала им старшей сестрой. Потом, Маржан, смотри, Гульжанат пусть сама выберет имя для сестренки, что за ней идет, а имя второму мальчику ты дай, а я третьему батыру имя выберу. Давайте все на этом согласимся! В ближайший четверг с Майра все соберемся здесь, и имя тому парню тут же дадим, как?

— Так будет немного неудобно, Олжеке! У каждого своя семья. Зачем, после того как дадим имена нашим детям, все вместе, собрав пожитки, пойдем туда. Слава богу, вот апа нам помогает, до тех пор и коляску купим, троих рядом положим и отнесем. А то и правда скажут «Токал» принижаете… Незнакомая женщина, накрывавшая на стол, как-то удивленно посмотрела на нас, улыбнулась и опустила голову.

— Апа, наша история интересная! Я вам еще расскажу наедине…

Выйдя из этого дома, я зашел к Актоты. Майра тоже была в хорошем настроении. Встретила прямо-таки с радостью.

— От братика не отходит. И на улицу играть не выходит. Вчера Гулжанат приходила домой, она тоже долго не сидела, сказала «Маленькие заплачут» — и поспешила домой, — начав немного разговор, «Токал»:

— Ну, на повестке дня стоит тема имен для детей, знаешь же. Об этом думал, наверное? — улыбнулась она, протягивая мне пиалу. — Свидетельство о рождении ребенку тоже надо получить. Как бы это обсудить?

— Свидетельство ребенка пока на свою фамилию оформляй, потом на мое имя перепишем, если не возражаешь? Порядок такой, — посмотрел я на нее с хитрецой. Вижу, довольна сидит.

— В четверг в доме «Байбише» будет колыбельное торжество. Днем придут близкие-родственники Маржан, коллеги. Мы вчетвером пойдем вечером. Тройне дадим имена. Потом придем сюда и определим имя этому батыру. По-моему, имя малышу в этом доме пусть даст Майра. За ней идет братик, когда вырастет, будет его опекать. Я не очень хочу светиться на людях. Так правильнее. Кем я представлюсь людям? Ты как на это смотришь? Кстати, ты колыбельная будешь делать?

— С тех пор как этот ребенок во мне зародился, коллеги на работе посадили меня на деревянного коня, гоняют по каждому поводу, разные разговоры за спиной ведут. Директор тоже однажды вызвал, поговорить хотел. Но я его «Разве я одна рожаю без мужа?», намекнув, что и она, сидя дома, родила дочь, сразу отбрила. А из родни у меня только один старший брат, живет в 200 километрах от города, в ауле. Занятой, с детьми, сын-дочь есть. Три-четыре года как не приезжал сюда. Меня из роддома брат Маржан с женой забирали. Майра тоже у них была. Вот так, кроме Майры и вас, у меня и пожалеть-то некому, — загрустившей Актоты я сказал:

— Брось, не говори так, вот видишь, Бог дал тебе сына, завтра имя дадим. Когда вырастет, будет вам опорой, поддержкой, — успокоил я. — Потом, — сказал, подумав, — к тройне я приведу с собой двух-трех человек. Тамара-апа — женщина постарше — будет им крестной. А крестную вон того единственного парня я вам там представлю. Колыбель и все принадлежности к нему привезу через день-два. В тот же день и обряд укладывания в колыбель проведем. Что скажешь? Кстати, деньги есть? Как с едой-питьем?

— Кроме спасибо что сказать, в магазин Майра с Гулжанат ходят, всего хватает. Только завтра, когда придут незнакомые люди, как бы не опозориться? — замялась «Токал».

— Позориться нечего, еду-питье мы сами принесем. Вы лишнего не тратьтесь, пока на ноги не встанете, особо не суетись, хорошо? На, это сыну подарок за смотрины младенца. Полагается и у нас давать деньги во здравия вновь родившегося малыша. — Достал из кармана немного денег и вручил Майре. — Такие же деньги я и тройне оставил.

Поздно вечером пришел в кафе Тамары, они вдвоем сидят перед четырьмя-пятью листами бумаги, что-то чертят, расчеты делают. Вскочив с мест, Гуля и Тамара радостно здороваются, расспрашивают о делах.

— О, у меня новостей хватает, а вы заканчивайте свою работу, потом спокойно посидим, поговорим, — сказал я важно.

— Ой, мы просто так, прикидывали сами, во сколько обойдется, если на наше здание пристройку сделать. Собери бумаги, Гуля, потом еще посмотрим. Скажи девочкам, пусть здесь стол накроют. Замандас тоже давно к нам не заглядывал. Давай посидим, поговорим по душам! — на слова Тамары Гуля вышла.

— Бог любит кого, тому и дает, говорят. Два-три месяца как доходы у нас выросли. Вот эта Гуля стала мне незаменимой помощницей. Она давно замечала мутные делишки шеф-повара, и окончательно его разоблачила. Гуле и официантки, и кухонные работники доверяют, вот они ей много чего и раскрыли.

Сама Гуля тоже говорила «У нас расходы очень большие». Однажды девочка сказала «Проверю документы кухни», я дал согласие. Гуля неделю не поднимая головы перепроверяла все бумаги. И вот однажды вызвала шеф-повара ко мне в кабинет и при мне прижала его к стенке. Тот, дрожа от страха, все выложил. Гуля и вину его заставила признать, и пару раз кулаком его угостила. Так вот что я понял — за последние четыре года шеф-повар украл у меня по 20 миллионов тенге в год. Купил себе три заграничные машины, отгрохал два десятикомнатных особняка в двух местах. Замандас-ау, я вообще не понимаю этих людей. Я ему все доверил, а он с меня живьем шкуру снимал, объегоривал! А я радовался, что хоть копейка-пятак в руки перепадает! Так вот, три машины загнал во двор, дома тоже скоро оформим. Шеф-повар упирался, не хотел отдавать ни дома, ни машины, Гуля ему сказала «Аудитора вызову» — и ему рот заткнула.

Дома вон в том новом районе «Батыс». Дворцы, скажешь! Встанешь у подножия, голову задерешь — тюбетейка на землю упадет! Трехэтажные особняки, считая с подземным этажом, все условия внутри есть. Такие дома мне, который день и ночь пашет, еще не достались! Люди же страшные стали. Шеф-повара так и уволили. Пусть на себя пеняет. Наша вина только в том, что мы свое, заработанное честным трудом, требовали. Вот так дела, замандас! Машины и дома еще увидишь.

Накрыли стол, мы приступили к еде, после пары рюмок, когда настроение поднялось, я не спеша начал рассказ.

Рассказал, как развелся с Маржан, как женился на Куляш, как нашел Гулжанат, между делом рассказал и про хулиганов, что приходили громить кафе. Когда услышали, как на свет появились Тройня и еще Одинокий Батыр, женщины от удивления рты раскрыли.

— Теперь у нас у всех одно общее дело, — сказал я нарочно с нажимом. Они еще больше навострили уши. — В этот четверг, ближе к вечеру, в тех двух домах будет колыбельная. С одной стороны, я пришел вас пригласить. Тебе, — сказал я, степенно посмотрев на Тамару, — хочу, чтобы ты стала крестной тройне, а ты, Гуля, наверное, не будешь против стать крестной тому единственному парню? Я, взяв на себя смелость, так за вас решил. Или это неправильно?

— Нет-нет, замандас, мы вдвоем это ваше решение поддерживаем. Всем родившимся детям пусть будет крепкая жизнь, пусть вырастут джигитами, кроме этого нам сказать нечего, — искренне сказала Тамара, а на лице Гули я чувствую, что такой поворот событий ее не очень-то обрадовал. Но все же Гуля:

— Я тому парню коляску и всякие мелочи уже завтра приготовлю, — сказала и, будто на глаза слезы навернулись, быстро вышла наружу.

— Вы, замандас, еще ничего не знаете. После того как она оттуда вырвалась, она со мной живет. Уже почти год прошел, время пролетело. С тех пор она два раза делала выкидыш сделала. Когда с Зулей ходила, вы же знаете, «А вдруг забеременеем» — они разные таблетки

пили, плюс еще в тюрьме была. Все это ее нервы истрепало. Она вас очень любит. Хочет родить от вас ребенка. Мне она много раз говорила. Когда мы наедине, она говорит только о вас. «Может, на работу к нему сходить, или позвонить?» — все время говорит. Я ей: «Он человек семейный, навредишь его службе, семье!» — всегда успокаиваю. А то она готова ходить за вами, как собака по следу. Вот такая история. Думаю, вы отнесетесь с пониманием. Она же еще ребенок! Скоро отправлю ее в Астану. Пусть там в клиниках покажется, полечится. Может, поможет.

Потом, не сказать не могу про то, что как она всю работу кафе на себе тащит. У нас заказчиков стало больше. Клиентов очередь на два месяца вперед расписана.

Как это, спросите вы? А вот так. Но я сама не очень понимаю, но все же расскажу, что знаю. Месяца два как прошло, Гуля ввела для посетителей кафе «Дисконтную систему». Это вот как. Посетители кафе, если сохранят счет за полученную услугу до следующего прихода, на следующий заказ получают скидку 20 процентов. На расчетном счете ставится печать кафе, подпись официанта. Посетители не расходятся до трех ночи. И от налоговиков спокойно стало, потому что на пронумерованных счетах пишется месяц, день, даже час. В следующий приход они тем старым счетом у нас «расплачиваются». Официанты тоже по тому счету отчитываются. Не говоря уже о том, что доход вырос, вечером чтобы зайти в кафе люди стали в очередь вставать. Я только и хожу просто!. Гуля и банк, и склады, и официантов взяла на себя. Лишь бы не сглазить, «Дай Аллах, сам поддержи»! — только и остается молиться.

Колыбельный праздник

(Одиннадцатый рассказ Олжабая)

Четверг наступил. Уже пару дней как я отвез к Байбише-токал четыре колыбелей и все необходимое к ним.

На службе просидел до вечера, не отлучаясь. В обед сходил домой, пообедал и вернулся на работу. Разобрал накопившуюся переписку, через секретаршу разослал по соответствующим отделам. Куляш позвонил по телефону и предупредил, что приеду поздно, и после семи вышел из служебной машины недалеко от кафе Тамары.

Стоило мне нажать на звонок у специальной двери с задней стороны кафе, как дверь открылась, и из-за нее показалась Гуля. Она повисла у меня на шее, ластится.

— Мы готовы, — сказала она, радостно прижавшись лицом к моему лицу. — Теперь, даст Бог, и с другими вашими женами познакомимся! Так я какой по счету вашей женой буду? — спросила она, кокетничая.

— Если будет угодно богу, ты четвертой любимой Токал! — пошутил я. Видать, голос мой прозвучал громче, Гуля закрыла мне рот рукой. — Ну не кричите так, кто-нибудь услышит ненароком.

Мы вдвоем зашли в комнату Тамары, а там вместо нее сидит какая-то женщина, расчесывает волосы, приводит себя в порядок. Когда она повернулась, я Тамару не узнал. Накрасилась, прическу поменяла — и помолодела.

— Эта девушка с утра меня куда только не водила. Ног не чувствую от ходьбы, — рассмеялась Тамара, тряся крупным телом, после того как поздоровалась со мной. — В несколько салонов красоты, бутиков и торговых центров сходили, из сил выбилась. Оказывается, я действительно отстала от жизни. Гуля сегодня меня еще и в спорткомплекс записала, и я специальный медосмотр прошла. С завтрашнего дня наняла мне одну девушку водителем. Теперь она будет возить меня куда надо. Замандас, что мне сегодня спортивный врач наговорил, я вам пересказать не могу, но если бы вы услышали — лопнули бы со смеху. Все же скажу вкратце. «Вы похожи на свиную требуху, что это за складки жира, еще год-два и вас, как людей в китайских сериалах, придется носить на носилках. А вам всего-то за сорок перевалило!», — отчитала с головы до ног! Стыд-то какой, стыд! Хоть сквозь землю провались! Ну что, идем на колыбельной? Мы для малышей кое-что прикупили. Все загружено в машину Гули.

После восьми приехали к Маржан, там сидела и «Токал» с новорожденным ребенком. Две девочки, узнав Тамару и Гулю, оробели и встали. Я познакомил женщин друг с другом. Гуля, словно показывая двум женам свое место, села справа от меня, Тамара — слева.

Майра не удержалась:

— Это же та апа, которая нам мороженое дает, — выпалила она.

— Да, — сказал я, — у этой апы мороженого очень много, теперь вы будете есть там все бесплатно, — посмотрел я на Тамару, и та:

— Да, девочки, приходите хоть со всеми младшими братишками-сестренками, двери для вас всегда открыты, все бесплатно. Правда же, Гуля, — поддержала она свои слова, улыбнувшись Гуле. — Теперь будем у этого человека спрашивать разрешение на все. Обрадованные дети помогают апе на кухне, носят на стол посуду, ложки-тарелки. После того как Тамара и Гуля отдали «Байбише» принесенные деньги и вещи, я спросил у Гульжанат:

— Как ты назовешь свою сестренку? — Она:

— Пусть будет Салтанат, созвучно с моим именем, — сказала свой выбор.

— Ну, а «Байбише» к какому решению пришла, — спросил я у Маржан, показывая всем, что бразды правления вечера взял в свои руки.

— Мы с дочкой много советовались, и остановились на имени Даурен. А какое имя папа выбрал для третьего, можно узнать? — посмотрела она на Гулю. Я заметил ревнивый взгляд Маржан: «Видишь, из моего чрева вышел его ребенок, а ты кто такая?»

— Салтанат, Даурен! Какие хорошие имена вы выбрали! А я хотел, чтобы второго батыра звали Кайрат. Действительно, вот этой Гульжанат, Салтанат и Даурену нужен ведь и сильный джигит, который будет их защищать, опекать. А потом, чтобы Тамара-апа всю жизнь была покровительницей будущих обладателей счастья, открывших дверь в новую жизнь, я бы попросил ее стать крестной для тройни. Как вы на это смотрите, апа? — посмотрел я на нее вопросительно.

— Согласна! — не спеша встала она, одного за другим брала тройняшек из рук Маржан и целовала в лицо.

Я повернулся лицом к кыбле, трижды произнес имя Всевышнего, прочитал Азан и прокричал в ушки каждого из детей их имена. Застолье продолжилось. В свою очередь:

— Мы растем, круг наш ширится, и в этом заслуга Олжабая и Гули, — начала речь Тамара и вручила тройне еще подарки. — В дальнейшем давайте будем опорой друг другу, вырастим этих малышей, доведем их до совершеннолетия. Я лично, что в моих силах, от вас ничего не пожалею. Эти слова особенно касаются вас, Маржан и Актоты. Давайте жить в мире друг с другом. Если мы пятеро будем заодно, нет таких вершин, которых мы не возьмем, нет трудностей, которых мы не преодолеем.

— Ойпырмай, какое же это сердечное пожелание! Ну-ка, все мы поддержим это прекрасное пожелание, — сказал я, чокаясь своей посудой с налитой выпивкой со всеми сидящими. Женщины с шумом-гамом по всем обычаям уложили тройню в колыбели. Мы еще сделали подарки. После того как поели, я сказал:

— «Когда же эти дяди и тети дадут и мне имя, когда же я, как те дети, буду посапывать в своей колыбели» — ждет нас еще один джигит. Давайте все мы пойдем в тот дом, и ему дадим уготованное имя, уложим в колыбель, — сказал я. «Токал» посмотрела в мою сторону, смущенно улыбнувшись. Я мигнул: «Не шуми!»

— Что это вы перемигиваетесь, — тут же взвилась соперница. Я не обратил внимания на слова Маржан; «Собирайтесь, все идите туда» сказал я и, взяв Гулю, вышел на улицу. Мы вернулись в кафе, а для дома «Токал» у Гули уже был готов ужин. Еще кое-какие вещи загрузили в багажник машины Гули и приехали к Актоты. В маленькой двухкомнатной квартире стоял шум-гам, суматоха. Дети тоже плакали хором, не унимались. Мы с Тамарой взяли на руки двоих из тройни. Гуля сама расставила на столе принесенное. Бегала, принесла полный казан еды притащила, затащила в дом купленную для маленького коляску.

На столе стояло все нужное. Актоты повеселела. Отдав ребенка Майре, за короткое время привела стол в порядок. У Гули с ней движения слаженные.

— Ну, а теперь, джамагат (присутствовавшийся народ по случаю торжества), с вашего позволения начнем второе на сегодня собрание. И в этом шанираке сегодня счастье поселилось. Родился человек. Своими вот этими младенческими голосами они принесли в наши пороги самые милые мелодии на свете. Пусть у всех будет крепкая жизнь! Ну, Майра, какое имя ты выбрала своему братику? Скажи-ка, при всем народе, — посмотрел я на нее. Она подошла ко мне робко, на ухо прошептала: «Пусть будет Бауыржан!»

— Ну, народ! Дело вот в чем. Моя дочь сказала — значит, решено. Парня в этом доме назовем Бауыржан. Пусть вырастет храбрым джигитом, как батыр, думающим о народе, не робеющим перед врагом, — сказал я и снова, восхвалив имя Всевышнего, прочитал Азан; «Твое имя — Бауыржан!» трижды прокричал в ухо и вручил младенца в руки Гули.

— Для Бауыржана вот эта Гуля будет крестной, — сказал я, Гулжанат и Майра обрадовались, захлопали в ладоши. Гуля:

— У меня есть подарки для этого батыра, я их вручу, — сказала и прикатила из прихожей коляску. Из нее достала немало вещей для младенца. Еще и Актоты дала пачку денег. Тамара:

— Все это хорошо. Только давайте пожелаем счастья одной девочке и трем мальчикам, которые сегодня обрели свои имена. Мы с вот этой Гулей работаем в кафе, что недалеко от вас. Если нужна помощь, не стесняйтесь, говорите, я к этим детям теперь буду часто приходить, если позволите, — смахнула она слезу.

— Спасибо, апа, вот так получилось, но видя ваши искренние намерения, слыша ваши пожелания, наши сердца успокоились. Боялись, трудно будет. Вот, теперь и крестных обрели. Гуля, айнам, будь счастлива! Приходите, двери открыты. Рады будем встретить, — сказала Актоты, и Маржан добавила:

— Пока Олжекем жив, мы еще много колыбельную увидим. Через четыре-пять лет он еще отцом двадцати детей станет. Четыре-пять жен будут его со всех сторон теребить, а ему хоть бы что, сухим из воды выйдет. Дай Бог Тамаре здоровье исчастье и Гуле. Нас не забывайте.

Скоро детям сорок дней справим. Приходите, будьте нашими почетными гостями, — сказала. Гуле эти слова «Байбише» очень понравились, похоже, она одним махом осушила стоявшую перед ней посуду с выпивкой.

Должность

(Двенадцатый рассказ Олжабая)

Время идет. Особых изменений нет. В один из таких дней меня вызвал к себе мой начальник.

— Я, Олжабай Кожбанович, перехожу в управление. Есть у меня давнее обещание, постараюсь назначить вас начальником на это место. Плохого от вас не видел. Давали дельные советы, заботились обо мне. За все спасибо, — слова начальника меня несколько смутили. — На следующей неделе примете дела. Начальник управления через день-два сам приедет, проведет собрание и назначит вас. Ну как, ага, нравится вам такой расклад? — посмотрел он на меня заискивающе. Я:

— Отсвататься мне знать, справлюсь ли.., — замялся я.

— Вы как никто знаете всю подноготную работы коллектива, да разве это вопрос для вас? Но, одна просьба есть, ага! Вон ту рыжую девушку из отдела кадров, после моего ухода не притесняйте, не увольняйте с работы. Взять бы ее с собой на новое место, да жена скандал устроит, боюсь, все понимаете же! На шее мужчины много тяжести можно носить говорят, глядишь, и мы когда-нибудь вам пригодимся, Олжеке! — взмолился он. В коллективе ходили слухи, что та рыжая — любовница начальника, и ребенок у нее от него есть. Слухи оказались правдой.

— Но есть еще одна сторона вопроса, Олжеке! — сел поустойчивее начальник. — Вы же знаете того Алеке-заместителя из акимата, что курирует нас. Вам надо пойти к нему, пройти специальное собеседование. Таков порядок. Мы подчиняемся областному управлению, но с другой стороны зависим от города. Пока по моей протекции Алеке дал согласие на вашу кандидатуру, но в конце концов он с вами встретится. Вы же понимаете, они такие моменты не упускают. Поэтому лучше вам самому пройти к нему, не дожидаясь, пока он вызовет. Начальник сделал вид «на этом разговор окончен» и поднял трубку телефона. Я попрощался с ним и вышел из кабинета. Пришел в свой кабинет, сидел, анализировал ситуацию. Как ни крути, это коллектив в шестьдесят-семьдесят человек, с налаженной работой.

Выполняет только госзаказ. Посторонних доходов мало. Потому и поживиться особо нечем. А для таких прожорливых коррупционеров, как Алеке, это учреждение совсем неинтересно. Но пару раз в отсутствие начальника я подписывал ведомости на зарплату. Там мелькали фамилии десяти человек, которых я и в лицо не знал. Начальник, видимо, только таким способом — начисляя зарплату «Мертвым душам» — и зарабатывал, другого пути нет. А такая дорога ведет только в тюрьму, это ясно как божий день. Что же делать? Отказаться от должности? Но тогда новый начальник меня точно съест. С кем посоветоваться? Кто даст совет? Опять те же Тамара и Гуля? Ай, они таких хитросплетений и не встречали. Может, к Нуржану обратиться? Да, это будет правильно. У того парня обо многом есть понятие. В конце концов, мой выбор верный… Посмотрел на часы, а уже и обеденное время наступило. Вот, значит, сколько просидел в этом кабинете. А секретарь то и дело заглядывает в дверь…

— Жена, что готовишь на обед?

— Ойбай, муженек мой, иди домой скорей, мясо варится, ваш старший брат тоже с утра звонил, сказал, что придет на обед. Тебе как раз собиралась звонить. Этот телефон тоже как зазвонил, — Голос Куляш звучал как-то веселее обычного. На рассвете я ее хорошенько помял. Наверное, поэтому, стерва, довольна мной. Старший брат, что живет за городом, приедет, говорит. Он нечасто к нам заходит, наверное, дело какое-то есть у него ко мне? Выхожу из служебной машины, а у дома стоит старший из трех моих братьев Тока.

— Эй, эта дверь не открывается, и номер твоей квартиры не знаю, спросить бы у кого, да вокруг ни одного взрослого не видно, — заговорил он, поздоровавшись, и я открыл внешнюю дверь.

— В городе бездомных много. Недавно домофон установили. Хоть спокойно стало, а то из подъезда эти бездомные не выходили. Ну, как вы, давно не общались, и у меня самого все времени нет к вам заехать. На той неделе жену с детьми отправлял же!

— Приезжали они, много чего привезли, хватит и этого. Мы на пенсии сидим, что нам государство даст. Самому сказать есть дело. Вот и суечусь. Жена наговорила, к тебе сходить и посоветоваться…

— Заказ, значит, от старшей снохи поступил, а ее саму почему не привели?

— Брось ты, чтобы ее возить, много сил надо, и ребенка с работы срывать надо. У нее ноги болят, ее вести — не то что себя еле тащу!

— Тока-ау, старики Алматы, Астаны вроде тебя «Токал возьмем!» говорят, в мажилисе уши проели, письма пишут, «Закон разрешающий брать токал издайте!» бунтуют, а ты еле ходишь, «Молодуху» увидишь — еще забегаешь!

— Эй, Олжабай, после того как время молодости прошло, зачем становиться посмешищем для народа. Всему свое место, свое время! Вот вам к лицу токал брать, молодые же еще! — брат хорошенько поддел меня, хитро посмотрел на меня и с трудом поднялся на четвертый этаж.

Я насторожился. «У народа ушей — много» говорят, может, знакомые где-то видели меня с женщинами, подумал про себя. Я ведь ходил осторожно. Но слова старика проверить надо. Через открытую дверь мы вдвоем вошли внутрь. Со стороны кухни щекотал нос запах вяленого мяса. Помыли руки, прошли в зал. Вслед за нами, ступая по нашим следам, вошла Кулаш с полным блюдом мяса и, поставив на расстеленный дастархан, только потом поклонилась и поздоровилась с деверью. После того как поели мясо и попили шурпу, прочитали бата, брат рассказал, зачем приехал.

— Старшая внучка учебу закончила в этом году, сам знаешь, на той с дипломом один баран и много денег передал через жену. Да будет доволен Аллах! Теперь девушке на работу надо устраиваться, вот и помоги чем сможешь. Сама два месяца уже пороги обивает в учреждениях. свататься ни придет «Приходи завтра, приди послезавтра» — выпроваживают. Взятки дать, у нас нет денег, кроме тебя у нас толковых знакомых-то тоже нет.

— Ну, правильно! Брат, ты тут день-два побудь, попей чаю из рук невестки-келин, после обеда машину отправлю, сноха-женге тоже приедет. С келин, с внуками пусть ваша жена по магазинам походит. Бог даст, сестренке работа найдется. Куляш, эй Куляш, иди сюда! Вот деверя твоего хорошенько прими. После обеда и сноха приедет. Я сам начальником становлюсь в коллективе, где работаю, если Бог даст, в эти день-два. С уважаемыми людьми на Алажамбас на рыбалку уезжаю. Водителю служебной машины скажу. Брат с женой свататься скажут — отвези, город покажи, к младшим братьям свези. Только мне не звоните, не беспокойте. На, вот деньги, старику костюм-двойку, женге что захочет платье-платок купи и одень. Два-три дня вот так их поразвлекай. Я через день-два приеду. Сейчас быстро собери одежду, в которой на рыбалку ездил. Больше ничего не надо. Понятно? Куляш, не в силах скрыть радость, лицо загорелось, быстро встала. Брат открыл рот.

— Вот так, Тока, взятку ты не дал, но я дам. Без этого нет, шал (старик)!

Иначе твоя дочь ни за два месяца, ни за два года на работу не устроится. Понял? Сейчас время такое стало. Ничего не поделаешь! Кстати, у сестренки специальность бухгалтер же, да?! Хорошую специальность выбрала. Моя настоящая сестренка же! Теперь считай ее на работу устроенной. К тем братьям твоим с женге съездите. Вот эта келин ваша будет рядом ходить. Эй, Куляш, иди сюда, вон тем абысынкам-снохам позвони, скажи, что старший брат приедут. Пусть дома сидят, не убегают к родне, ясно! Так говоря на ходу, я надел одежду, что приготовила

жена, и вышел во двор. Шофер ждал на улице. По дороге дал ему поручения, приехал на работу. В приемной ждали двое незнакомых мне людей. Увидев на мне одежду военного покрова, они смущенно встали.

Потом я:

— Да, в район ехать собирался по работе, в пыли галстук таскать не стал. Не узнал? Я вас слушаю! — заговорил я с первым, кто вошел в кабинет, и тут зазвонил телефон.

Взял трубку, это мой начальник у телефона:

— Олжабай Кожбанович! С людьми, что к тебе пришли, хорошо поговори. Сам в Астану улетаю. Через день-два вернусь. С теми успел переговорить? Так, потихоньку выпроводи их. Люди Алеке же. Послушай, что скажут. Просить будут, известное дело. Просто Алеке тебя проверить хочет. Будь здоров! Только положил трубку, телефон снова зазвонил. Я извинился перед сидящим напротив человеком и поднес трубку к уху. Сначала шипение, потом шум, через некоторое время кто-то:

— Кто это? Я из акимата. Алеке же. Олжабай Кожбанович? Ехе-хе! Я пару парней отправил. Просьбу их выполнишь! Ну ладно, все! Положив трубку телефона, спокойно посмотрел на сидящего передо мной человека. С залысиной, мужчина за тридцать. Ему:

— Вас же двое, того парня тоже позовите, если можно, секретарьша еще не пришла. — посмотрел я на него испытывающе. Он вскочил с места, открыл дверь и громко позвал идущего следом долговязого парня.

— Ну, слушаю вас, джигиты! Извините, телефон сам по себе в такое время отвлекает человека, работать не дает! — Раздраженно посмотрел на телефон.

— Мы по поручению того Алеке пришли… — начал мужчина с залысиной. — У него завтра-послезавтра сваты приезжают, недавно он сына женил. Вот на расходы-прочее десять тысяч зеленых просит. Я посидел, подумав:

— Я не руководитель этого коллектива. Только заместитель. С Алеке раньше дел не имел. Кроме как на совещаниях видел, и сам его толком не знаю. Потом через два-три дня многое прояснится. Вы меня правильно поймите. Алеке пойдите скажите, что так и так, мол. Мы все дети одного народа же, должны друг друга уважать, поддерживать — что может быть лучше. Вот это передайте ему, светики! Так ведь?

— Наше дело только передать, остальное вы сами решите же, — сказал второй долговязый, поднимаясь. С залысиной тоже нехотя последовал за ним, собираясь выйти из кабинета.

— Нет-нет! Раз уж сам Бог привел вас. Из дома пустым не выходят, говорят. Есть у меня бутылка хорошего армянского коньяка, я ее для таких уважаемых гостей поберег. Как смотрите, еще не раз встретимся же, чтобы в следующий раз не стоять как незнакомые, давайте попробуем.

Садитесь! Эй, Марзияш, ты на месте? Зайди-ка сюда! — позвал я по внутренней связи секретаршу.

Они, делать нечего, вернулись и сели на стулья.

Вошла секретарша. Я кивком указал ей на мини-бар, а сам стал просматривать бумаги из папки, которую она положила мне на стол.

— Если кто-то ждет приема, скажи, что я освобожусь не раньше чем через час.

Глазами показал секретарше на дверь.

Потом:

— Марзияш, передай главному бухгалтеру: деньги опять перечисляется в то самое городское управление строительства, почему она не обращает внимания на такое, пусть срочно зайдет ко мне, как освобожусь! Потом год будем мучиться, не вернем, что это такое!

Когда девушка закрыла дверь, я подошел к столику для совещаний, на котором стоял поднос:

— Ну, ребята, меня зовут Олжабай, я, наверное, постарше вас буду. В наше время людей, которые работают и еще думают о делах учреждения, не осталось. Чуть что — улыбаются тебе в лицо и норовят обмануть. Поэтому я все сам проверяю, контролирую. У начальника тоже разъездов много. Вон, звонит у трапа самолета, в Астану, говорит улетает! Что поделаешь, раз доверили, стараемся все делать правильно. Другого пути у нас нет. Когда-то один секретарь райпарткома, получив выговор на заседании бюро обкома, садясь в машину, сказал: «Вот чем кончается бюро, которое ты сам не проводил!» и хлопнув дверью: «Вези к Маше домой!» — сказал шоферу. У нас то же самое! Без начальника и слова твоего толком не слушают.

Открывая коньяк, я нарочно громко хохотнул.

Разлил коньяк щедро по трем бокалам:

— Ну, ребята, выпьем за знакомство! Я представился, теперь ваша очередь, — сказал я.

Тот, с залысинами:

— Меня зовут Нурлан, — сказал. Стоящий рядом долговязый пробормотал «Багдат».

— Давайте, ребята, выпьем, вещь из-за границы, вам и досталась! — Я, не морщась, опрокинул бокал и закусил нарезанным лимоном с тарелки.

Долговязый, поперхнувшись-закашлявшись, допил до дна, а тот, с залысинами, отпил половину и поставил бокал на стол, я:

— Нет, Нурлан, так не пойдет! Ты видишь Багдата, хоть и тяжело, а допил. У казахов говорят: «На подарок — подарок, на пиво — мед». Не годится, давай опрокинь до дна, братишка! — снова сунул ему бокал в руку. На этот раз он осушил.

— Ага, я это бросил, потом еще машина на улице, полиция.., — начал было он, я:

— Ой, ребята, бросьте вы это, у кого есть брат вроде Алеке, для тех полиция — не проблема!

Долговязый от выпитого коньяка словно насытился, аж испарина выступила. Я снова наполнил бокалы.

— Багдат, ты кем работаешь, ну кто из вас старше, пусть будет тост? — Я посмотрел то на одного, то на другого.

— Мы оба в охране работаем, в свободное время выполняем поручения Алеке — принеси, сходи. Ну, Олжеке, вы, оказывается, парень, который вот-вот станет начальником, пусть ваша работа и дальше идет в гору! — Нурлан на втором бокале не отставал. Мы с Багдатом повторили за ним.

«Подручные Алеке, оказывается. В любом случае надо выведать кое-что», — подумав, я разлил остатки из бутылки по трем бокалам до краев:

— Бог даст, это только начало нашего знакомства! Я ведь не знаю, что за человек этот Алеке, сколько ему лет, кто-то говорит: «Энергичный парень, наверху волосатая рука есть»? Я всю жизнь на руководящих должностях не работал, так, замом ходил.

— Он, наверное, постарше вас будет. Недавно старшего сына женил. В этой области он уже лет четыре-пять. Но с местным народом сроссся. Если даже из дальних районов на праздники зовут — ездит, не отказывается. Пятеро-шестеро детей есть. В Астану тоже часто ездит, часто созванивается. Если с этим человеком сблизитесь — точно не прогадаете, ага!

А теперь давайте выпьем за здоровье Алеке, за то, чтобы у него все было благополучно. Мы с ним одного рода, и меня, и вот Нурлана-ага из того далекого областного центра сюда притащил тоже он, слава богу, неплохо живем! Багдат разоткровенничался.

После того как и третий бокал коньяка занял свое место, я:

— Ну, ребята, так вот сегодня получилось. В следующий раз встретимся спокойно и в другой обстановке поговорим. Вон и наш бухгалтер, наверное, заждалась. Передайте привет Алеке, даст Бог, все дела у нас еще впереди, — сказал я, подражая их манере речи. После того как они вышли, я вызвал секретаршу, велел убрать со стола и пригласить бухгалтера в кабинет.

Тучная главбухша, вперевалку подойдя, облокотилась на маленький столик перед моим столом и уставилась на меня.

— Нургуль, я, конечно, пока не начальник. Это уже четвертый раз я нахожу ошибки в ваших расчетах. Вы должны требовать исполнительности от подчиненных, в прошлый раз еле-еле вернули четыре миллиона тенге, которые по ошибке перечислили. Помнишь! Не получится играть над нами палкой, мол, «Родственник наверху сидит». Если вам ваша работа не нравится, пишите заявление об увольнении хоть сегодня. Но имейте в виду, работу сдадите только по результатам аудиторской проверки. Как смотрите?

— Пшту! Видала я от тебя беду! Что это такое, говорит так, будто он уже начальник тут! Если тебе зазорно быть замом, я завтра же сделаю так, что ты здесь вообще не работал! — Тучное тело бухгалтерши затряслось. От ярости вены на лице и шее вздулись, налились кровью. Не обращая внимания на слова сыплющей изо рта брани бухгалтерши, я велел секретарше вызвать главного экономиста.

— Я тебе этот твой фокус так не оставлю! Завтра же будешь прощения просить, валяться у меня в ногах, паршивец! Вот увидишь, если я этого не сделаю, пусть меня зовут не Нургуль!

Глядя на вошедшего в кабинет главного экономиста:

— Вы с этой девушкой вместе от моего имени подготовьте письмо в городской экспертно-расчетный отдел с просьбой проверить правильность наших расчетов. В том строительном управлении, говорят, работает родственник вот этой особы начальником. Два-три раза туда незаконно перечисляли деньги, еле-еле с трудом возвращали. И сейчас так же получается. Понятно? А вот этот счет на перечисление шести миллионов в банк я кладу в карман. Здесь стоит подпись Нургуль. Посмотрим, кто у кого прощения просить будет! Идите, я жду! Главбухша звонит кому-то по сотовому. Я сидел на месте и закурил.

Через полчаса главный экономист и секретарша принесли мне подготовленное ими письмо. Просмотрел и тут же подписал.

— До конца рабочего дня сегодня же отнесите и сдайте! Они только такой работы и ищут. На втором экземпляре обязательно должна стоять подпись принявшего. Хорошо? И если по дороге кто-то что скажет, и вы не сдадите письмо, вина будет на вас. Понятно? На сегодня вы свободны! — сказал я, обращаясь к главному экономисту. Выйдя из кабинета, увидел толпящихся у дверей сотрудников. Ни на кого не глядя, прошел мимо, гордо ступая, к выходной двери. Поймав на улице такси, поехал к Тамаре.

Как только вышел из такси перед кафе, зазвонил сотовый. Звонил начальник.

— Олжеке, что за шум вы подняли? Все в порядке?

— Вы же знаете мой твердый характер, который и верблюд не сдвинет, и буре противостоит, басеке! — Стоя в укромном месте у кафе, ответил я ему. — Это все та же Нургуль будоражит народ. Пусть сначала о своей голове подумает. Опять хотела, как в прошлый раз, шесть миллионов из поступивших к нам бюджетных денег перевести на счет брата. Сказать, чтобы я еще и терпел? Это что, в наши обязанности тоже входит? Мы что, должны оставить без зарплаты коллектива на три-четыре месяца…

— Ойбай, Олжеке! Я к этому вообще не имею никакого отношения. Письмо уже ушло в то самое экспертное управление, возможность отозвать есть?

— Басеке, что сделано, то сделано. Письмо уже, наверное, дошло до назначения. Если вы не в курсе, то и не бойтесь! — Я отключил телефон и направился к комнате Тамары.

Еще подарок

(Тринадцатый рассказ Олжабая)

Хоть совсем от полноты она и не избавилась, но бока у нее округлились, стали подтянутыми, и она превратилась в видную, привлекательную женщину. В последний раз я видел ее два-три месяца назад, на колыбельном торжестве в ауле Байбише-Токал. Она очень изменилась, помолодела.

— Замандас-ау, где вы пропадаете, нас совсем забыли? Гуля только вчера плакала, вспоминая вас. Эй, кто там есть? Позовите мне Гулю! И быстро накройте стол в той дополнительной комнате!

Когда она подошла и села рядом со мной, я взял ее за руку, сжал.

— Эх, боюсь, на пятую сил не хватит, а то настоящую красавицу превратились, которую чужому жалко отдавать, я не упустил бы. Поздравляю!

Шутка попала в цель, она, закатывая глаза, посмотрела на меня:

— Ах, вот оно что!? Это я специально кокетничаю, чтобы мой Дон Жуан-ровесник заметил перемены во мне! — Отодвинулась от меня подальше. — Если нас Гуля увидит, голову мне оторвет!

— Чью голову вы тут собрались поотрывать? Ничего себе, посмотрите на эту апайку, как она кокетничает с моим стариком, я дядя Нуржану скажу, он вас сразу вылечит. Держитесь подальше от моего любимого старика! А то…

Гуля, выставив руку, нарочно надувшись на Тамару, подошла, обняла меня за шею, закинула ноги и чуть ли не уселась на меня.

— Давайте продолжим разговор там, замандас! Идемте! Гуля, слезь с человека, если кто-нибудь увидит, скажут, что эти бабы с ума сошли, на мужиков вешаются! Хватит, не дури. Иногда на нее находит такое ребячество!

— Пусть и она посидит на мне немного, она тоже человек же! — подколол я Гулю нарочно.

Мы пошли продолжить разговор на наше привычное место.

— Ну, как вы, рассказывайте новости? Есть вести из младших орд? Мы на днях с Гулей сначала заехали к Актоты, потом взяли ее, подняли Бауыржана и поехали к вашей Байбише. Немного поговорили. Дети все такие милые, налились, загляденье, так и хочется тискать. Обе сказали, что вы к ним заезжаете. Так как же у вас хватает духу проходить мимо нас, когда мы в двух шагах?

— Для меня младшая орда — это здесь, а те — правильнее будет назвать средними ордами. Пока дети не вышли из сорока дней, я к вам каждый день заходил же, а теперь, когда те две жены вошли в форму, стал реже наведываться к вам! Это же закономерно!

Женщины разразились громким хохотом. Гуля колотит меня своими маленькими кулачками.

— Потом, когда я позвонила Тамаре-апе, она сказала, что ты вышла замуж и уехала в Астану, — не унимаясь, я снова поддел ее.

— Если вы и дальше будете так отдаляться, не удивлюсь, если и это сбудется, Гуля говорила уже всерьез обиженно.

— Ты теперь не капризничай так, мол, я самая желанная младшая жена? Тебе и вовсе не пристало меня упрекать, я же думал, что если приду, когда тебя нет, будешь ревновать даже вот к этой апе! Ну а теперь будете слушать мои новости, или сначала вы расскажете, что у вас тут изменилось?

— Какие у нас новости. Если что, вечером сами от Гули услышите. Только скажу одно: эта Гуля загоняла меня на спортсекции, я совсем с ума сошла. Даже когда ее нет, эта девушка-

водитель, которую она мне нашла, стоит у меня над головой и командует, как палкой погоняет. Вот и пришлось, только из страха перед Гулей, ходить туда, не пропуская ни дня по графику. Слава богу, сейчас и дышать стало легче, и аппетита к еде такого нет. Бросила привычку жрать все подряд, как раньше.

— Зато аппетит к другому у вас улучшился!

— Гуля, перестань, дитя мое, ради бога, не позорь меня перед замандасом, прошу!

Тамара всерьез смутилась, покраснела.

Я, сделав вид, что не понял, посмотрел на Гулю.

— Об этой мадам я вам расскажу наедине, пусть апа сейчас не краснеет! Ну, начинайте, теперь мы послушаем вас. Мне показалось, когда вы только пришли, вы были навеселе. Радость какая-то у вас, похоже? Или жена дома забеременела, скажите скорее, не томите людей? Что это за одежда на вас, молодеете, что ли, как мальчик, в сорок с лишним лет?

От рассказов Гули я совсем обалдел. Потом:

— Совсем не то, что вы думаете. Просто меня, кажется, собираются назначить начальником учреждения, где я работаю. Но есть и некоторые препятствия на пути. Я и пришел посоветоваться с вами, а вы меня по всем фронтам гоняете? Кто у меня есть, кроме вас, с кем я могу поделиться сокровенным!

Теперь я притворился обиженным.

— Ойбай, ага, остановись! Гуля, дочка, поумерь пыл! Ты, Гуля, лучше принеси те подарки, что ты привезла из Астаны специально для этого человека, и которые никому не показывая, спрятала, и выпивку принеси! Мне даже не дала, в какой-то угол заныкала, эта проклятая девчонка… Тамара мне специально подмигнула. Гуля, как будто что-то вспомнив, вскочила с места и направилась к двери.

Когда Гуля ушла, Тамара:

— Врачи в Астане ее очень обрадовали. Парапсихолог, что ли, какой-то иностранный врач с бешеным гонораром посмотрел ее. Она мне по телефону сказала и попросила десять тысяч долларов. Ойбай-ау, что мне для нее жалко, она же день и ночь за мое имущество с людьми как собака грызется! Отправила, пропади они пропадом, эти деньги, все ей на благо!

Гипнозом, что ли, усыпил ее и лечил пару часов. Все, что она говорила во сне, записал на пленку и отдал ей на руки. Мы вдвоем только и слушали. Она рыдала. А у меня, когда я слушала ее слова на пленке, душа перевернулась. Она же сказала мне, что вы в курсе всех этих историй. Как она, будучи девчонкой, пережила такое, я не могла не удивляться. И вы тоже человек с очень крепким, стойким нутром. Ходили как ни в чем не бывало, а? Так вот, эту пленку она сама, дрожа и трясясь, тоже послушала. Потом мы ее сожгли в огне. «Послушайте один раз вместе с самым доверенным, близким человеком, и уничтожьте это!», — сказал тот врач. С тех пор девушка резко изменилась, и аппетит появился. «Не пройдет и полгода, как забеременеешь» — сказал тот врач. Кучу лекарств привезла с той поездки.., — рассказывала Тамара, но, увидев вдалеке Гулю, оборвала рассказ.

— Тамара апа, — сказал я, подыгрывая Гуле, — мне нужно увидеть Нуржана, нельзя ли его сейчас вызвать сюда, — сказал я ей вкрадчиво.

— Апа сейчас же вызовет, она и сама умирает, как хочет увидеть Нуржана. — Гуля съязвила в адрес Тамары.

— Эта девчонка меня ко всем ревнует. Если он вам нужен, я вызову, — сказала Тамара и, поднявшись с места уже не так, как раньше, бодро пошла к двери.

— Нам тоже надо с вами посоветоваться по ряду общих дел, касающихся вас, скажу, когда апа придет, — улыбнулась Гуля.

— Ты ездишь в аул? Какие там новости, с отцом разговор наладила? — спросил я у нее.

— Он и видеть меня не хочет, и слышать обо мне не желает, все по-старому, — вздохнула девушка. — Но маме деньги отправляю по почте. Иногда с ними по телефону связываюсь.

— Ты проучила того негодяя, как сама говорила. Ты теперь ничего не боишься. Тот охранник надежный, не будет тебя потом шантажировать?

— Он сам по себе неразговорчивый парень. Если надо, он Такена свалил, и сам вышел из квартиры, он даже не знает, что там произошло после.

— Будь осторожна, Гуля, сейчас время, когда человек стал шайтаном, ты очень наивная девушка.., — начал было я, как сзади:

— Нашли наивную, — услышав голос вошедшей Тамары, я съежился. — Эта девушка свои дела семь раз отмерит, один раз отрежет. Это уже не та простодушная Гуля. Того парня она через Нуржана устроила на работу и успела перевести его по службе на другой край страны. Агасы, через полчаса Нуржан будет здесь.

Я сказал, что вы тут сидите, он обрадовался. «У меня тоже есть дела» — вроде так сказал.

— Это место теперь превращается в военный штаб, — сказала Гуля, задевая и апу, и меня. — Посмотрите на его одежду.

— Я очень уважаю Тамару апу, мне совсем не нравится, что ты ее так доводишь, Гуля! — сказал я, но тут же Тамара:

— Вы тут не судите, мой ровесник! Эта Гуля ко мне ластится так же, как к вам. Мы с ней так сроднились, что я полчаса не вижу Гулю — и уже скучаю. Она тоже так, — на это Тамаре я не нашелся что ответить.

Мы все замолчали.

— Пока Нуржан не пришел, давайте решим один главный вопрос, — после паузы начала разговор Тамара. — Вы хорошо знаете, после того как мы «конфисковали» у бывшего шеф-повара, на жилмассиве «Запад» пустуют особняки, а потом в гараже уже полгода стоят законсервированные две иномарки. Мы с Гулей давно договорились и решили подарить вам один из тех домов и одну из машин. Но вы же совсем пропали, глаз не кажете. «Долг платежом красен!» говорят, мы надеемся, что вы не откажетесь от того, что мы вам дарим все это от чистого сердца. Теперь мы вас слушаем, — они обе уставились на меня, будто спрашивая: «Что скажешь?»

Я совсем растерялся. Слово не шло с языка:

— Так на чье имя это имущество, — спросил я, сам не свой от замешательства.

— На чье имя ему быть, все они оформлены на имя Гули, — спокойно сказала Тамара. — Это она их вернула, а то я бы так и ходила, разинув рот, как раньше.

Подумав немного, я:

— Не каждому выпадают такие друзья, как вы, но все равно я чувствую себя неловко. «Не умеешь ценить подарок — будешь нуждаться в дарящем» — есть же такая пословица. Скажу только одно — я приму все это только по доверенности от Гули. Давайте поставим на этом точку и перейдем к другим делам. Спасибо всем, — сказал я им с особой признательностью.

В какой-то момент, не выдержав, Гуля:

— Если Нуржан не придет, что нам, и поесть нельзя? — брякнула.

— Я так и знала, что она это скажет, Эй, девушки, несите скорее еду, что приготовили! Ну-ка, Гуля, выкладывай на середину то, что ты привезла из Астаны, как будто камни тащила, пусть все посмотрят?

Гуля достала из коробки, которую она принесла и поставила в стороне, красиво оформленный французский коньяк. В другой коробке были духи, она протянула их Тамаре. Такую же коробку дала и мне. Смотрю — это сотовый телефон. Еще несколько коробок с разными нужными в быту мелочами она протянула и Тамаре, и мне. Все вещи иностранного производства. Глаз радуют.

— Ойпырмай, прямо как будто сегодня прилетела из Астаны, — радуется Тамара. — Если бы вы не приехали, эти вещи так бы и лежали спрятанными, что с ними стало бы! Фран-

цузскому коньяку, как оказалось, ровно 250 лет со дня разлива в бутылку. Снаружи и сертификат есть. Я заранее попробовал на вкус. Вроде годный.

Только мы начали придвигать к себе еду, как в дверь постучали. Оглянулись — пришел Нуржан.

Посидев немного, я отвел Нуржана в сторону, вышел с ним и рассказал ему, что меня выдвигают на должность, про разговор с Алеке, даже про то, как Нургуль пыталась перевести деньги по подложным документам, — все рассказал без утайки. Выслушав мой рассказ не спеша, он достал из кармана маленькую кнопочку и дал мне:

— Алеке обязательно еще вам позвонит. Тогда я принесу вам деньги. Но у этих денег есть свойство, которое не отличат даже эксперты ведомства, которое ловит коррупционеров. Постарайтесь вручить деньги только в руки самому Алеке. Вас могут и задержать, посадить в тюрьму. Но придется все вытерпеть. Много не говорите. Если такое случится, я вас ни на секунду не упущу из виду. Запомните это крепко. Вы отсюда сегодня и завтра не выходите. Я буду слушать, и буду приходить сообщать вам о происходящем. Потом нажмите на кнопку рядом с этой пуговкой, и после того как красный огонек мигнет один-два раза, приклейте ее сзади на воротник рубашки. Срок ее работы — до десяти дней. Через нее мы все будем слышать и знать, даже сможем определить, где вы находитесь. Даже если будете в тюрьме, если будет возможность, постарайтесь не потерять эту вещь. Только она вас спасет. Она будет все записывать и сообщать нам. Включайте ее только перед тем, как будете предлагать деньги Алеке. Договорились? Ничего не бойтесь, ага! — сказал он. Я чуть было не испугался, что дело так осложняется. Но, не подавая виду, только кивал головой.

Я сел в машину и поехал домой. К Куляш.

Но в голове были они — Тамара, Гуля, Маржан, Актоты. Салтанат, Даурен, Кайрат, Бауыржан.

Моя большая, странная, незаконная, но моя семья.

Мой «ТОО Олжабай».

Ожидание

(Четырнадцатый рассказ Олжабая)

Два дня я провел в комнате отдыха в кафе у Тамары как царевич. Гуля была довольна. Но у меня на душе было неспокойно. На третий день, ближе к вечеру, приехал Нуржан. Отвел меня в сторону, показал большой палец — мол, все в порядке — и улыбнулся.

— Вас все ищут, но вы пока ни о чем не беспокойтесь, сейчас езжайте домой, а завтра утром идите на работу как ни в чем не бывало. Ближе к обеду приедет начальник управления и назначит вас начальником коллектива. Да, кстати, те из городского отдела учета и экспертизы уже давно начали работу, проверку закончат через день-два. Ваш прежний начальник и главбух сильно встревожены. Остальное потом увидим, — сказал он и поспешно ушел.

Я тут же попрощался с женщинами и на такси приехал домой. У Куляш глаза были на выкате.

— Агасы-ау, где вы пропадаете столько времени? С работы и, не знаю, из каких-то учреждений — из расчетного отдела, что ли — все вас спрашивают, нас уже извели.

— А, вы что, стариков не возили?

— Вон, узнали у вашего водителя и звонили нам даже туда, свататься мы ездили!

— Ничего страшного, неси еду и укладывай детей. Мне надо с тобой наедине поговорить, жена. Давай быстрее!

После того как дети поели, они хотели посидеть, поиграть рядом со мной, но Куляш не позволила и всех отправила спать.

Когда она подошла ко мне, я:

— Куляш, — начал я, не зная, с чего начать, задумчиво. — Через день-два меня назначат начальником учреждения, где я работаю, и скоро мы переедем в трехэтажный особняк в массиве «Батыс» на окраине города. Готовься, позовешь родню, устроим небольшой той. Если тех денег не хватит, я еще принесу. Только что бы ты ни услышала про меня — плохое, хорошее — ничему не верь. Теперь ты — жена большого начальника. Поняла? А сейчас не мешай мне!

Две ночи с Гулей совсем измотали меня, я только помню, как положил голову на подушку, и тут же провалился в мертвецкий сон. Утром наскоро попил чай, вызвал водителя. Стоило мне включить сотовый, как он, бедный, тут же зазвонил.

Первым позвонил начальник:

— Олжабай Кожбанович, вы где, дело наше кранты приходит. Давнишние наши дела проверяют. Где вы сами, разве в такое время человек уезжает на рыбалку? Мне из Астаны прервали командировку, заставили вернуться. У проверяющих вид нехороший. Нашли документы, где и ваша подпись стоит, все дотошно копают, проверяют. Что делать?

— Басеке, я ночью приехал, сейчас собираюсь на работу. Вот выхожу из дома!

— Тогда быстрее приезжайте!

Приехал на работу — все встречают меня настороженно. Сразу велел секретарше вызвать начальника планового отдела. Она, видимо, стояла у двери приемной — не успел я положить трубку, как она уже показался в дверях.

— Ну что за новости? Чего вы весь народ будоражите! Что, у меня нет права пару дней отдохнуть, поправить здоровье? — Я подмигнул ей и нарочно повысил голос, чтобы слышали в приемной.

Экономист, кажется, поняла меня, понизила голос:

— Бояться нечего. Главбух, ходит как обосравшийся ребенок. Говорят, и тот ее покровитель из акимата сбежал от нее, ноги унес. Герою тоже душа нужна! Поделом ей, сама виновата, она нас совсем за людей не считала! Вы правильно сделали. А вот что дальше будет?

Я тоже тихо:

— Занимайся работой. Но кто что думает в коллективе, будешь мне сообщать. Ладно?

Через некоторое время, еле волоча ноги, зашел начальник. Я встал, поздоровался.

— Как бы нам не пропасть, Олжабай Кожбанович! Что у вас с Нургуль случилось, расскажите?

— Да ничего не случилось. В ваше отсутствие она хотела меня использовать, а я схватил ее за хвост. Вот платежка на перевод денег в банк, подготовлена ее рукой. Даже ее девчонки об этом не знают, оказывается.

— Зарегистрирована?

— Книга регистрации у нее же, вот, смотрите!

Я тут же достал из сейфа книгу регистрации и показал.

— Главбух хочет с вами поговорить, примете?

— Нет! Но если вы прикажете, свататься деваться…

— Ай, бросьте прикидываться! Вы с сегодняшнего дня — руководитель этой организации. Через полчаса сюда приедет начальник управления. Теперь мне осталось только о своей голове думать. Чтобы вы так со мной поступили, мне бы и в трех снах не приснилось…

— На вашем месте я бы поступил точно так же. Нургуль давно вышла из-под вашего контроля. Нехорошо, когда начальник заискивает перед главбухом!

— Оно-то так, вон и тот ее родственник из акимата на меня насел… Пусть заходит, что скажет, послушаем, Олжабай Кожбанович!

Велел секретарше позвать главбуха. Вошла Нургуль — не узнать. Ни былого гонора, вся поникшая, подбродок еще больше отвис, вид жалкий.

Она села на стул поодаль, я даже не поздоровался.

— Ты сколько мочой поливала кости давно умерших стариков, а теперь что случилось?

— Ага, простите, бес попутал! — Женщина разрыдалась. Мне стало ее жалко.

— Олжабай Кожбанович с сегодняшнего дня назначается начальником этой организации. Сюда едет начальник управления. Мои танки если и не сильнее твоих, то и не слабее. За свои дела ответишь головой, а если не подключишь своих полубогов и не спасешь свою голову, считай, что сгниешь в тюрьме. Если не хочешь там стать подстилкой у тюремных марж, то прямо сейчас принимай меры, чтобы это дело остановить. Моя рука достанет тебя везде. Все, иди! Олжабай Кожбанович — не из тех, кто с бабой воюет! Неожиданная новость подействовала на главбуха как гром среди ясного неба. С трех попыток еле встав со стула, женщина вся покрылась испариной. Не найдя платка, Нургуль, шаря руками по своему огромному заду, поплелась к двери.

Вскоре после ее ухода в дверях показался сам начальник управления.

— А, вы тоже здесь! Хорошо. Новый начальник, наверное, должен был встречать большое начальство у дверей, что творится-то! — обиженно, неудобно усмехнулся он, глядя на меня. — Ну быстро соберите коллектив свататься-нибудь, или кабинет начальника сойдет?

— Нет-нет! Я сейчас все организую!

Я нарочно вышел. Хотел оставить их наедине.

В актовом зале начальник управления зачитал народу свой приказ, потом пожал мне руку, поздравил с новой должностью. Кто-то выступил. Я в свою очередь сказал, что постараюсь оправдать оказанное доверие, и перечислил немало нововведений и достижений старого начальника.

После собрания начальник управления даже чай пить не остался, поспешно уехал. И след прежнего начальника тоже простыл. Заняв свое место, я вызвал главного экономиста. Она пришла и рассказала мне немало новостей. Похоже, на прежнего начальника, главбуха и казначея собираются заводить уголовное дело.

Сотрудники один за другим стали заходить ко мне в кабинет поздравлять.

После обеда, опираясь на предварительное заключение отдела учета и экспертизы, я отстранил главбуха от работы, а на ее место временно назначил начальника планового отдела. Юрист учреждения вместе с девушкой из отдела кадров подготовили официальный приказ. Я подписал и утвердил.

Так закончился мой первый рабочий день. На следующее утро, когда закончилась планерка, позвонил Алеке. По его тону было ясно, что он чувствует себя хозяином положения:

— Поздравляю! Пусть будет надолго! Тех ребят отправлю, двадцать штук передашь, — отрезал он.

— Алеке, я же только вчера сел в это кресло… — начал было я, — С тобой торговаться не буду. Делай, что говорят, хуже не будет, с городской администрации скоро будет твоей конторе заказ на большую сумму, за месяц-два покроешь свои расходы…

— Алеке, дайте день-два срока…

— Завтра, не послезавтра, иначе никак, — и он бросил трубку. Я вышел на улицу и направился к Тамаре. Вызвал Нуржана, рассказал ему все. Он, уходя, достал из папки две пачки денег и дал мне:

— Постарайтесь вручить только в руки самому Алеке. И не забудьте заранее включить вон ту черную кнопочку. Нажмете на рычажок рядом с ней, и после того как красный огонек мигнет раз-два, приклейте ее сзади на воротник рубашки. Срок ее работы — до десяти дней. Через нее мы все будем слышать и знать, даже сможем определить, где вы находитесь. Даже если окажетесь в тюрьме, если будет возможность, постарайтесь не потерять эту вещь. Только она вас спасет. Она будет все записывать и сообщать нам. Включайте ее только перед тем, как будете предлагать деньги Алеке. Договорились? Ничего не бойтесь! — сказал он.

Я чуть было испугался, что дело так осложняется. Но, не подавая виду, только кивал головой.

Мы с Гулей оформили у нотариуса документы на коттедж и японскую машину на мое имя. Как только документы оказались у меня на руках, я немного погонялся по городу на новом «черном скакуне». Что и говорить, стоило коснуться педали — она так и рвалась вперед. Посадив Куляш с детьми в машину, мы все поехали в новый дом. Гуля еще раньше передала мне целую связку ключей от коттеджа. У моей Куляш, которая отродясь такого дома не видела, рот открылся от изумления. Только и твердила от растерянности:

— Этот дом теперь наш?

— Бог даст, и этот дом, и вон тот вороной японский скакун, теперь наши, — говорю.

Ходим, осматриваем дом.

Он стоял во всей красе, со всей мебелью и со всем необходимым для быта.

— Ну, жена, этот дом с сегодняшнего дня наш. Вызови того своего родственника, что работает в бытовом комбинате, пусть все тут настроит, и быстро переезжайте. Водителя с сегодняшнего дня я отдаю в твое распоряжение. Я ему сказал. Ненужные вещи оставь в старой квартире. Вообще, с домашними делами меня больше не впутывай. У меня и так работы полно, голова кругом идет. Все проблемы теперь учись решать без меня. Такой дом был твоей мечтой? Вот она и сбылась. Найди себе помощницу по дому, чтобы и за детьми смотрела. И чтобы готовить умела хорошо. Вон та твоя брата дочь, что от мужа разошлась, без дела же сидит? Ее пристрой. Или мне найти, токал тебе приведу! А, нет, тогда быстро берись за работу! Остальное потом посмотрим, меня не ждите дома, пока вы не переедете. Как переедете, скажешь. Договорились? На, возьми, хозяйка нового дома, — я, чтобы дети не видели, крепко ущипнул ее за зад и сунул в руку связку ключей от нового дома. Она не обиделась на мою выходку, только вильнула задом и все. Высадил всех у старого дома. Повернул к Маржан. Оставил машину на стоянке перед кафе Тамары, первым делом заглянул к Актоты. Застал, как Бауыржана купают. Майра с ней. Завернув ребенка в свежую пеленку, сунули мне на руки, а Актоты собралась было готовить чай, я, чтобы Майра не услышала, тихо сказал:

— Поехали к Маржан!

Через некоторое время, уложив ребенка в коляску, мы втроем пришли к «Байбише».

И там дети ревели в один голос, стоял гвалт. Гулжанат с Маржан тоже были заняты купанием детей.

— Что, у всех у вас банный день в одно время? — шумно вошли мы, Маржан сначала посмотрела на нас неприветливо, но когда я дал немного денег, сразу расцвела.

— Знай, Маржан, он мне еще ничего не давал, — надулась «Токал».

— Ночная служба оплачивается по тарифу, — тихо сказал я, чтобы девочки не услышали, но Маржан тут же подхватила:

— Да ладно, Тоты, что его слушаешь, даст — бери, не даст — его дело. Нам двоим, кажется, и так хватает. Ему тоже нелегко каждый день врать жене и вилять хвостом перед тремя-четырьмя бабами. Пусть и ему достанется. Лучше вон снова разожги под казаном, мясо варится. Эй, Гулжанат, сбегайте с Майрой в магазин, принесите две пачки лапши для бешбармака, быстро! Я еще утром почувствовала, что этот черт сегодня заявится, вот и поставила мясо. У меня перед его приездом всегда правая бровь дергается. Две девочки засуетились, собираясь на улицу. Перед выходом из двери они бросили на меня многозначительный взгляд. Я глазами показал «Потом!». Это заметила Маржан:

— Что они тебе показывают, эти козочки? Ай, эти двое только мороженое и знают! Даже стыдно перед той Тамарой-апой. Каждый божий день туда бегают. И меры не знают! С начала лета они, наверное, на сто тысяч мороженого съели. И горло у них не болит, как это люди каждый день могут эту холодную липкую гадость лизать, а? Наевшись мороженого до отвала, дома нормально не едят!

— Ты об этом не беспокойся! Я за мороженое, которое девочки съели, каждый раз в кафе плачу. Лишь бы здоровью не вредило, — подразнил я «Байбише». Дочери посмотрели на меня благодарными глазами и выскочили за дверь.

Наевшись до отвала разваренного мяса «Байбише», немного передохнув, я «поиграл» с Маржан, как следует поваляв ее, и перешел к Токал. Чувствуя нутром, что я иду к Токал, хитрая жена постаралась выжать из меня все. Я порядком утомился. Далеко за полночь пришел в дом Актоты. Как и договаривались, входная дверь была открыта. Майра сопела носом, спала. Рядом в люльке братик.

Выпил поданный Токал густой черный чай со сливками. Чувствую, Актоты хочет что-то сказать, но не решается. Я сделал вид, что не замечаю. Осушил чашу до дна и пошел в спальню, разделся и завалился на постель.

Под утро Актоты растолкала меня. Я, протирая глаза, ничего не понимая, посидел немного. Осушил одним махом поданный Токал напиток. Оказывается, я проснулся от жажды.

— Господин мой, — сказала токал. — Мне скоро на работу выходить. Майра тоже не должна пропускать учебу. Маржан тоже собирается на работу. И, не знаю, говорила она тебе или нет, им четырехкомнатную квартиру выделили. Собираются переезжать. У меня голова кругом. Я хотела взять отпуск, пока маленькому годик не исполнится, и сидеть дома. Боюсь, без денег туго придется…

— Только и всего, что ты с вечера не могла мне сказать! Об этом даже не переживай, скажу крестной его, Гуле. Она будет давать тебе деньги, да и я не оставлю. Но, ты к Маржан хоть не каждый день, но через день ходи, помогай, у нее же еще та нянька есть. Все равно теперь вы должны друг другу помогать. А ребенка до года должна растить только мать. Бери отпуск смело.

Я притянул Токал к себе. Она без стеснения прильнула. После долгой постельной утехи я лег на спину, и, видимо, задремал. Проснулся, когда солнце было уже высоко. Актоты на кухне готовила еду.

— Майра долго сидела с тобой, уходить не хотела, еле отправила ее в школу. Кажется, начинает понимать все, души в тебе не чает. И Гулжанат ревнует, но виду не подает.

— Вот и начался цирк. Ты моей дочери потихоньку объясни все, но во все подробности не вдавайся. Когда придет время, сама все поймет, поняла? От нас с тобой ничего не зависит. Вырасти вот Бауыржана человеком, а там посмотрим.

Снова завалился в постель и проснулся уже к вечеру. Майра и Гулжанат сидели рядом. Достал из кармана деньги и протянул часть Актоты. Она два раза сбегала в круглосуточный магазин рядом с домом, натаскала всего нужного. Через некоторое время, запыхавшись, прибежала Маржан:

— Лежит тут, понимаешь ли! Мы дома с ума сходим! Быстро вставай! Что это за дела? Работа где, дом где?

— Только тебя не хватало, чтобы меня пилить! Лучше быстро готовьте чай-дастархан! Я что, не могу полежать, вытянув ноги, с вами двумя по бокам, чайку попить? После того как набили желудки, мы с Байбише-Токал, переругиваясь, обсудили немало дел. Маржан сообщили новость: по решению городского акимата ей дали четырехкомнатную квартиру, но «старую квартиру сдашь в казну», какие-то люди приходили, принесли документы, пытались заставить подписать. Прочитала — оказалось договор купли-продажи, подготовленный нотариусом. Она тут же подняла шум: «Вызову полицию!», и те мигом исчезли. Потом позвонила в акимат, там сказали: «Мы к вам людей с таким требованием не посылали».

— Молодец, «Байбише»! Чуть не лишилась этой квартиры. Надо быть бдительнее! Вот дети вырастут, подрастут, тогда квартира понадобится. Время такое, мошенники совсем распоясались, осторожной будь!? — начал я ее хвалить.

Я отключил телефон и провел у «Токал» еще одну ночь из «Тысячи и одной ночи». Актоты с Майрой были счастливы.

На следующий день пришел на работу, было много дел, быстро их уладил и велел секретарше вызвать начальника планового отдела, который сейчас исполнял обязанности главбуха.

Она пришла быстро:

— Как, две работы не тяжело? — посмотрел я на нее испытывающе.

— Раз оказано доверие, человек должен стараться его оправдать, — ответил он.

— Правильный ответ, — похвалил я. — Мы с тобой работаем вместе лет десять. Что думаешь об этом коллективе, кого куда перевести надо, и другие дельные мысли, если есть в голове, завтра изложи на бумаге и принеси. И про разговоры в коллективе обо мне — знай, это полезно.

На этом мой рассказ про первый день в должности заканчивается.

Капкан

(Пятнадцатый рассказ Олжабая)

После обеда я положил в нагрудный карман две пачки долларов, что дал Нуржан, и направился в городской акимат. Утром ко мне на работу приходили люди Алеке за деньгами, я их выпроводил: «После трех приходите».

Сидя в машине, я нажал на кнопку черной пуговицы, что лежала в бумажнике, и, когда красный огонек мигнул раз-другой, аккуратно спрятал ее за воротник рубашки. «Ну, я поехал к Алеке деньги отдавать!» — сказал я нарочно громко, чтобы те, кто слушает, услышали.

Еле выбравшись из пробок, поставил машину перед зданием акимата и зашел внутрь. Перекинулся парой слов с кое-какими знакомыми, подошел к приемной Алеке — его еще не было. Минут через десять в дверях появился и сам Алеке. Поздоровались, и, уловив его жест «Иди за мной!», я засеменил следом.

— Ну, бала, сам пришел знакомиться! Молодец! В последнее время это тоже нужно. Правильно! Мы и сами в свое время перед кем только не ползали. И сейчас не хуже других живем. Благодаря небольшому авторитету, да и тем, кто мы когда-то ботинки чистил, вот до такого уровня дошли, слава богу! — сказал он, встал, подошел к окну, долго смотрел вдаль, а я вскочил с места, быстро сунул две пачки денег в наружный карман его пиджака и вернулся на место. Он сунул руку в карман, нащупал деньги, а я:

— Алеке, вчерашнее ваше поручение выполнил, не стал ждать ребят, сам решил привезти!

— Правильно, правильно! Двадцать, да?

— Да, ровно двадцать тысяч долларов! У знакомых, у свататься-жекжат (сватья) собрал, еле-еле к обеду сегодня наскреб!

— Вон те счета по пенсионерам — там есть недочеты, мы хотим поручить это исправить твоей организации. Дня три-четыре назад об этом и в области говорили. Где-то через неделю акимат города заключит договор с твоим учреждением. Вот так, дорогой, можешь идти теперь!

Я только взялся за ручку двери, потянул на себя, как в кабинет вломились пять-шесть парней, оттолкнули меня, набросились на Алеке и защелкнули на нем наручники.

Тут же пригласили понятых, при них пересчитали и опечатали деньги, вынутые из кармана Алеке. Все это записывалось на видеопленку. Алеке, стиснув зубы, смотрел на меня, лицо — грозовая туча. Меня тоже окружили двое-трое из них и стали допрашивать. Я рассказал им все без утайки. Подписал и протокол допроса. Переписали и то, что было у меня в карманах.

Стою в сторонке, жду. Через некоторое время и мне надели наручники, не слушая никаких моих доводов, вывели на улицу и посадили в закрытую машину.

— Ребята, у меня же тут машина осталась, дайте хоть знакомым позвонить, сказать! — на мои слова никто не обратил внимания. Только один:

— Через пятнадцать лет сядешь в свою машину, сиди тихо, а то… — и еще затылок мне кулаком приложил.

Проехав немного, машина остановилась. Меня вывели, провели через какие-то двери, свататься-то привели. Сняли ремень, галстук, тщательно, дотошно обыскали одежду. Потом повели по длинному темному коридору и завели в одну дверь. В этой комнате, кроме одной кровати, одного стула и низкого столика, больше ничего не было.

Конвоир, что привел меня:

— На кровать садиться, ложиться нельзя, — сказал и с грохотом захлопнул дверь и ушел.

«Ну, Олжеке, что теперь будет, в жизни в такую тесную камеру не попадал, лишь бы все кончилось хорошо», — сказал я громко, услышал сам себя, садясь на стул, привинченный к полу.

Через два часа от сидения на жестком стуле у меня заныл зад. Встал, начал ходить взад-вперед. В окно с железной решеткой почти ничего не видно. Вдалеке заметил крест на маковке русской церкви и прикинул, в какой части города я нахожусь.

«Э, Олжеке, крепко же тебя закрутило, это же то самое печально известное в области место к северу от церкви. Это что же, знак того, что дело мое очень сложное?» — сказал я вслух.

— Ты с кем там разговариваешь, быстро заткнись! — раздалось из узкого окошка в железной двери, это, наверное, тот самый конвоир.

— А что теперь, самому с собой поговорить нельзя, пить хочу, братишка, ты же местный парень, горло пересохло!?

— Здесь тебе прислуги нет, перед тобой кран стоит, подставь ладонь и пей сам, еще раз меня побеспокоишь — открою дверь и отдубасю вот этой дубинкой, сиди тихо! — сказал он, показывая свою черную дубинку, и говорил властно.

Когда стало темнеть, на потолке загорелась лампочка, комнату осветил тусклый свет.

Еще через час дверь с грохотом открылась, вошли двое. Я встал. Один из них подошел, хотел пододвинуть стул к столу, но, увидев, что он привинчен к полу, тут же прекратил свои нелепые действия. Потом достал из папки бумагу, дал мне:

— Прочитайте и немедленно подпишите, — сказал.

Я:

— Давай сначала посмотрим, что тут написано, — начал читать бумагу.

Там было написано: «Я, Максимов Олжабай, подтверждаю, что вернул 20 тысяч долларов США Алимбету Налибаеву в счет своего долга».

Я, подумав, говорю:

— На тех бумагах, что давали раньше, так не было написано. Там заставляли писать и подписывать «Дал 20 тысяч долларов взятку Алимбету Налибаеву». Получается, я клеветал на невинного человека. Вы принесете те бумаги и порвете их у меня на глазах, только тогда я подпишу эту бумагу.

— Эй, негодяй, ты сам себе дело шьешь! Быстро подписывай, иначе твое положение резко изменится! В общую камеру переведем. А доживешь ли ты там до утра — это мы знаем!

— У меня есть несколько требований, во-первых, я должен позвонить знакомым, во-вторых, есть же такое — назначить защитника?

— Эй, да он совсем отмороженный! Мы тебя сейчас отпустим, возьмем подписку о невыезде. Не подпишешь — пеняй на себя, отсюда не выйдешь! Наказание за взятку — и тому, кто дал, и тому, кто взял — одинаковое. Пятнадцать лет строгого режима!

— Эй, сынок! Я не вчера родился, законы, может, хорошо не знаю, но что мне положено — представляю. Чтобы меня посадить, вы сначала должны отвести меня в суд, и только там мне предъявят обвинение. И только потом выносится приговор. А все это ваше — незаконно, завтра вы сами будете отвечать за эти действия! Поняли? Я тут сижу уже больше трех часов. Так что, сыночки, и о своей голове подумайте!

— Тьфу, да он же совсем псих! Алеке же говорил: «Парень сговорчивый». Ладно, пошли отсюда!

Только они собрались выходить, как вдруг дверь открылась, и в комнату ворвались четверо-пятеро бойцов в масках, повалили нас всех на пол, заломили руки за спину и надели наручники.

— Поднять всех! — раздался властный голос. Кажется, голос знакомый. Поднял голову — смотрю, в стороне стоит Нуржан. Я сделал вид, что не узнал его.

— Уведите всех, кроме вот этого, — указал он на меня рукой. Бойцы сняли с меня наручники, а «следователей» моих, согнув головы к полу, с заломленными за спину и поднятыми к небу руками, вывели из комнаты.

Когда все вышли, Нуржан приложил указательный палец к губам, показал мне на ухо, потом требовательно протянул ладонь. Я понял, достал спрятанную за воротником черную пуговицу и отдал ему. Он нажал на кнопку пуговицы, как бы выключая.

Мы вышли в открытую дверь, в коридоре навытяжку стоял мой конвоир. Нуржан даже не взглянул на него, рукой показал мне «Иди за мной». Конвоир, стуча дубинкой, побежал за нами.

В том месте, где сдавал, забрал галстук и ремень. Быстро надел их.

Вышли на улицу, сели в машину Нуржана. Он, как и раньше, приложил палец к губам, попросил меня молчать.

Поехали по улицам, подъехали к городскому акимату — моя машина так и стояла одиноко, как оставил. Нуржан вышел из машины с целлофановым пакетом.

— Олжеке, молодец! Остальной разговор продолжим в кафе через пару часов! А я поехал! Вот здесь ваши документы и ключи от машины, — и направился к своей машине.

Включил телефон — за день много кто звонил. Не обращая внимания, завел машину и поехал к кафе Тамары. По дороге купил в магазине минералку, попил, утолил жажду.

Приехал в кафе — Тамары нет, у Гули, увидевшей меня, глаза округлились:

— Вас же… вас же… арестовали, показывали по городскому телевидению весь день, что случилось, ага!? — Она подошла ко мне, с вопросом на лице обняла меня. Чувствую, дрожит. — Тамара, как услышала новость, поехала искать Нуржана. Я ничего не понимаю, ждала звонка от Тамары, а тут вы сами обьявились…

— С утра ничего не ел, если есть что-нибудь перекусить, было бы очень хорошо, и если есть выпить покрепче — тоже не откажусь!

— Сейчас, сейчас! — бедная Гуля побежала.

Прислонившись к дивану, закрыл глаза. Мысли не давали покоя.

«Значит, думаю про себя, моя дурная слава уже пошла по народу? Что же дальше будет…», — перебирая в уме сегодняшние события, не заметил, как задремал.

— Не трогай его, пусть отдохнет, сегодняшний переполох его совсем измотал, — от голоса Тамары я проснулся. Посмотрел на часы в телефоне — уже полночь. Быстро протер глаза, сел. На столе ломится еда, но никого, кто бы к ней притронулся, не видно.

— Оу, с милым хозяином и угощение слаще? Почему вы не едите? — я стал жадно хватать еду со стола. Немного утолив голод, кажется, пришел в себя;

— Гуля, налей-ка оттуда, пусть аппетит разыграется, — Тамара посмотрела на Гулю.

— Ой, у него аппетит и так неплохой, судя по тому, как он уминает! — Гуля тоже не осталась в долгу, поддела меня.

— Я сам, — сорвал пробку с бутылки и налил в стоявший рядом большой фужер. Посмотрел на Тамару, она показала «Нет, нельзя!». Гуля посуду для выпивки отодвинула подальше от себя.

— Э, что с вами! Или вы не рады, что я вырвался из тюрьмы и сижу с вами? — Я сделал вид, что обиделся, взял бокал и выпил, закусил огурцом с тарелки.

— Нет, мы своим глазам не верим! Мне нельзя такие напитки пить! Вон та девушка глазами меня расстреливает, разве не видите? Так расскажите же, что случилось, не томите нас?! — Тамара смотрела на меня умоляюще.

— Да, расскажите же? — поддакнула и Гуля.

— Нельзя! Запрещено.

— Кем?

— Нуржаном мырзой!

— Он тоже скоро приедет. Звонил, сказал, что ближе к полуночи будет.

Я снова налил себе в бокал из бутылки;

— Сегодня в то место, где я побывал, пусть даже змея не попадает, — и выпил.

— Ай, Олжеке, видимо, вы попали под чей-то пресс? Чего вы так мрачно говорите?

— Ты не спрашивай, я не буду рассказывать! Такую тюрьму, какую я сегодня видел, врагу не пожелаешь! Все это — проделки судьбы, скажу, да сам себе не верю. В общем, все, кажется, закончилось благополучно!

Женщины всерьез испугались, заволновались.

— Потом, у меня к Тамаре просьба. — посмотрел на обеих женщин испытывающе. — У моего родного брата есть внучка, в этом году закончила учебу. Специальность — бухгалтер. Работу найти не может. Не найдется ли для нее здесь работа? Кроме вас у меня и нет близких, на кого опереться! Устраивать к себе на работу — неудобно: «Только начальником стал, уже своих пристраивает» — скажут. Да и вообще, я не хочу, чтобы в «воровском» месте работал близкий человек, с одной стороны. Что делать? — притворно вздохнул я, показывая им.

— Олжеке, не говорите так! Мы же давно «Тройственный союз» создали, помните? Слово — есть слово! Пусть приходит ваша племянница, поговорим! Вон эта Гуля давно ищет себе надежную напарницу, которая в учете-счете разбирается. Но, подходящего человека не находилось.

— Она отсвататься знать будет, твой учет-счет, только что учебу закончила. Ей нужен человек, который покажет, научит, — вставил я между слов.

— Нынешней молодежи вообще никто и ничего не нужно! Вот эта апа иногда и меня учит, если надо! Далеко ходить не надо. Вчера приходил старый матерый специалист отрасли общепита, спрашивал у Гули про «Дисконтную систему», что она у нас внедрила, так эта Гуля не поделилась с ним. «У нас выручка упадет» — не дала мне и рта раскрыть. Вот, видишь, они такие! Только мы с тобой простодушные, своего лишаемся. Так что, — Тамара остановилась.

— «Байбише» наша в «Западный» дом переезжает. Я — в тюрьме сижу! Ну а теперь, если есть среди вас те, кто желает, чтобы мое новоселье было благополучным, то пока я тут один пью, может, кто чокнется со мной бокалом и скажет тост?

— Ровесник дорогой! Все, что вы говорите — правильно! Но я, и вот эта Гуля сейчас на лечении, я же говорила. Вы же знаете, что мы за вас горой. Не мучьте нас сегодня! Просим?

— Да, женщин не трогают, мучить не будем!

— В собутыльники мы, может, сгодимся! — В дверь шумно вошел Нуржан.

— Как странно, у вас и уши! Как вы услышали наши разговоры через закрытую дверь?

— Вы же все знаете, где я работаю. Иногда приходится и так — слышать разговоры людей издалека.

Нуржан с нами немного перекусил. Женщины, глядя, как мы едим, молчали.

Немного погодя мы с Нуржаном вышли покурить на улицу.

— Олжеке, от вас секретов нет. Дело закончилось так: Алеке с теми двумя своими прихвостнями, что к вам приходили, попали к нам в руки. Потом и начальники того учреждения, где вас закрыли, и те, кто вас допрашивал, тоже отправились за решетку. Ваши деньги, что вы дали в качестве взятки Алеке, нашли в их железном сейфе. Информацию мы быстро подготовили и отправили нашему шефу. Но и у них руки оказались не коротки. Через полчаса после того, как мы отправили информацию в столицу, началась суета. Даже из очень компетентных органов стали звонить. Но наш начальник сказал: «Не шуршите!». Дело, оказывается, дошло до одного большого человека. Теперь вы можете работать как ни в чем не бывало. Если возникнут вопросы, сообщайте мне через Тамару. Вообще, никаких вопросов быть не должно. Ну а теперь я поехал. Кстати, мне нужна помощница, надежная, девушка. Чтобы немного в учете-бухгалтерии разбиралась. Есть у вас такие? Желательно местная.

Мне тут же вспомнилась двоюродная сестра.

— У меня есть двоюродная сестра, в этом году закончила экономический колледж, — сказал я. — Работу найти не может. Характер замкнутый, 19 лет. Поговорите, может, подойдет.

— Вот-вот, мне такая и нужна. Пусть завтра часам к десяти к нам придет. Мы же рядом с базаром. Легко найдет. Спросит у дежурных меня, я утром предупрежу. Я и не думал, что вопрос с сестрой решится так быстро, обрадовался, даже опешил. С одной стороны, я и не хотел, чтобы эта девушка познакомилась с Гулей. Кто знает, ребенок же, когда-нибудь да проговорится.

Тут же позвонил старшему брату Токтамысу, обрадовать. Трубку взял младший брат, от волнения не мог говорить, только и твердил: «Олжеке, Олжеке!». Поняв в чем дело, я сказал, что жив-здоров. Подробно объяснил, свататься и когда девушке надо прийти на работу. Поговорил с сестрой Сымбат, услышал по телефону, как она обрадовалась.

Было уже за полночь. То ли от пережитых за день волнений, то ли от выпитого, беседуя с Гулей в постели, не заметил, как уснул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.